ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Цена 30 коп.

Литературная газета

Понедельник, 30 августа 1937 г. ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР. № 47 (683)

Вторая годовщина

Сегодня родина социализма — Советский Союз отмечает вторую годовщину стахановского движения.

Рядовой забойщик шахты «Центральная Ирмино» Алексей Стаханов в историческую августовскую ночь перекрыл обычную норму выработки почти в 15 раз.

Вслед за ним кузнец Горьковского автозавода Александр Бусыгин установил невиданный рекорд на ковке коленчатых валов. Пионеры стахановского движения Огнев, Кривонос, Виноградовы, Мария Демченко, Паша Ангелина—каждый в своей области показали, что старые технические нормы отстали от жизни. С героическим упорством вершили они революцию в промышленности, поднимая производительность социалистического труда.

Капитализм будет окончательно побежден, писал неоднократно Ленин, тем, что социализм создаст новую, гораздо более высокую производительность труда.

В своей речи на всесоюзном совещании стахановцев в ноябре 1935 г. товарищ Сталин, развивая эту мысль Ленина, говорил:

«Почему капитализм разбил и преодолел феодализм? Потому, что он создал более высокие нормы производительности труда, он дал возможность обществу получать несравненно больше продуктов, чем это имело место при феодальных порядках. Потому, что он сделал общество более богатым. Почему может, должен и обязательно победит социализм капиталистическую систему хозяйства? Потому, что он может дать более высокие образцы труда, более высокую производительность труда, чем капиталистическая система хозяйства. Потому, что он может дать обществу больше продуктов и может сделать общество более богатым, чем капиталистическая система хозяйства».

Впервые в истории человеческого общества в Советской Стране трудящиеся работают на себя, на свое государство, а не на предпринимателя-капиталиста: фабрики и заводы, средства и орудия производства принадлежат государству трудящихся.

В Советской Стране труд из зазорного и рабского превратился в дело чести, в дело доблести, геройства и славы.

Капиталистический мир уродовал человека, отнимал у него право на радостный творческий труд. Социалистический мир возвратил трудящемуся человеку радость свободного творческого труда.

Освобождение труда, новая техническая база социалистической промышленности обеспечили мощный расцвет стахановского движения в нашей стране.

Пламя этого движения об'яло всю страну.

Появляются новые мастера высокой производительности труда. Вслед за пионерами стахановского движения появились люди, о мастерстве которых узнала вся страна. Мариупольский сталевар Макар Мазай добился рекордной выплавки стали. Бакинский буровой мастер Парфенов дал изумительные примеры бурения нефтескважин. Показывали образцы стахановского труда архангельский лесопильщик Мусинский и многие другие.

Уже к началу 1937 года на промышленных предприятиях было свыше миллиона стахановцев. Железнодорожный транспорт под руководством Л. М. Кагановича досрочно выполнил пятилетний план перевозок. На шахтах Донбасса, осваивая опыт передовиков-стахановцев, тысячи горняков завоевали почетное звание мастера угля.

На металлургическом заводе в Мариуполе, где работает Макар Мазай, многие сталевары перекрыли технические мощности печей.

Работники колхозов и совхозов снимают в этом году небывалый урожай. Наша страна вплотную подходит к выполнению лозунга товарища Сталина — собрать 7—8 миллиардов пудов хлеба. Эти успехи сельского хозяйства определяются победой колхозного строя, создавшего новых людей — стахановцев социалистического земледелия.

Таковы сила и мощь стахановского движения.

Враги народа всячески пытались подорвать это движение. Презренные агенты фашизма — троцкистско-бухаринские шпионы, диверсанты, осуществляя вредительство в промышленности и на железнодорожном транспорте, пытались уничтожить плоды стахановской работы. Они выводили из строя механизмы и агрегаты, убивали лучших представителей народа. Рабочий класс раздавил гнусных псов фашизма — троцкистско-бухаринскую банду шпионов, диверсантов и убийц.

Страна успешно ликвидирует последствия их вредительства.

Разве мировые рекорды, установленные в последние месяцы нашей авиацией, не являются лучшим свидетельством глубокого проникновения стахановских методов работы во все области производства?

Приближается двадцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции.

Новыми производственными рекордами, массовым под'емом стахановского движения встречают трудящиеся великий праздник страны социализма!

Массовое развитие у нас стахановского движения приобретает всемирно-историческое значение.

«Разве не ясно, — говорил товарищ Сталин на всесоюзном совещании стахановцев в 1935 г.,—что стахановцы являются новаторами в нашей промышленности, что стахановское движение представляет будущность нашей индустрии, что оно содержит в себе зерно будущего культурно-технического под'ема рабочего класса, что оно открывает нам тот путь, на котором только и можно добиться тех высших показателей производительности труда, которые необходимы для перехода от социализма к коммунизму и уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим?».

Стахановское движение, являющееся всемирно-исторической победой социалистического способа производства, не может не найти отражения в нашем искусстве, в советской художественной литературе.

Принципы буржуазной эстетики вырастали на основе презрительного отношения к трудовой деятельности человека. Мировая художественная литература мало дает произведений, изображающих человеческий труд, как основу созидания материальных и духовных ценностей.

Картины человеческого труда, даваемые лучшими художниками прошлого, большей частью проникнуты либо барски-пренебрежительным отношением к трудовому человеку, либо барски-восторженным, но и барски-бесплодным умилением перед ним.

Основоположник социалистической литературы великий Горький первый из всех художников понял значение труда в развитии человеческого общества, его культуры.

Плоть от плоти, кость от кости рабочего класса, Максим Горький все свое внимание художника и творца сосредоточил на человеке труда. Он видел страдания и мучения народных масс в капиталистическом мире.

Горький отдал все свои физические и моральные силы на борьбу за установление таких общественных отношений, при которых человек обретает право на радостный творческий труд и выпрямляется во весь свой рост.

Он призывал советских литераторов изображать человека труда, показать его как творца и созидателя всего, чем живет и гордится человечество, создателя ценностей, и не снившихся капиталистическому миру.

Советские литераторы, однако, лишь в очень малой степени отразили это историческое движение трудящихся, названное именем рядового донбасского забойщика.

Еще не стал в центре внимания советской литературы человек труда, создатель всех материальных и духовных ценностей социалистического мира. И об этом вторая годовщина стахановского движения настойчиво напоминает нам, советским литераторам.

Шествие к могиле Анри Барбюса в Париже

Отмечая вторую годовщину со дня смерти бесстрашного борца против фашизма, мужественного революционера, великого французского писателя Анри Барбюса, трудящиеся массы Парижа вчера еще раз засвидетельствовали свою решимость добиться окончательного торжества дела, за которое Барбюс боролся.

К могиле Барбюса на кладбище Пер Лашез состоялось шествие делегаций партийных, профсоюзных и антифашистских организаций, бывших участников войны и др.

Делегации возложили у подножья памятника покойному писателю-борцу многочисленные венки из живых цветов. Почетный караул у могилы, окруженной стеной красных знамен, несли члены Центрального комитета французской компартии, комсомола, бывшие участники мировой войны, члены национального комитета борьбы за мир и свободу, члены всемирного комитета борьбы против войны и фашизма, представители студенческих организаций и др.

Открылся пленум ССП Узбекистана

(По телефону от нашего ташкентского корреспондента).

29 августа открылся IV пленум союза советских писателей Узбекистана.

Доклад о состоянии работы союза и его очередных задачах сделал заведующий культпросом ЦК компартии Узбекистана т. Берегин.

На повестке дня пленума: выборы нового правления союза, пересмотр состава организации и другие организационные вопросы.

Да здравствует союз рабочих и крестьян — основа советской власти!

Плакат художника А. Венециана, выпускаемый Изогизом к XX-летию Великой Октябрьской Революции.

V театральный фестиваль в СССР

С'езд иностранных гостей

1 сентября в филиале Государственного московского ордена Ленина Большого театра СССР открывается **V советский театральный фестиваль.**

Несколько дней назад начался с'езд иностранных гостей на фестиваль.

Уже приехали в Москву министр просвещения Франции г-н Нан-Зей с женой, секретарь Международного театрального общества Франции известный критик Поль Гзелл, член английского парламента и товарищ министра по морским делам г-н Гамильтон Вильям Кэрр, председатель союза артистов Болгарии режиссер г-н Стефан Киров, американский артист Поль Дюпон, английский кинематографист Базиль Райт и др.

Сегодня приезжает редактор журнала «Диссонанс», известный швейцарский критик, автор многих статей о Советском Союзе г-н Алоиз Моозер. В ближайшие дни приезжают испанский режиссер Ривос Чериф, английский театральный критик Хентли Картер, автор книги о театре СССР, и другие.

Всего для участия в фестивале ожидается приезд 400 представителей 20 стран.

В программе открытия фестиваля 1 сентября: большой концерт мастеров национального искусства.

2 сентября: в Малом театре — «На всякого мудреца довольно простоты», в Театре им. Вахтангова — «Много шума из ничего».

Плодотворное влияние

Беседа с председателем союза артистов Болгарии Стефаном Кировым

Среди гостей V советского фестиваля находится болгарский артист и режиссер Стефан Киров, возглавляющий союз артистов Болгарии.

Тридцать лет назад Ст. Киров был связан работой и учебой с Московским Художественным театром и с петербургским театром Веры Федоровны Комиссаржевской.

— Пребывание в коллективе Художественного театра многому научило меня, — рассказывает болгарский режиссер. — До сих пор я с волнением произношу имена моих театральных учителей — народных артистов СССР Вл. И. Немировича-Данченко и К. С. Станиславского. Я счастлив застать их в полном здравии, а руководимый ими театр — на новом этапе небывалого расцвета и славы.

Возвратившись из России в Болгарию, Ст. Киров поступил в Народный театр Софии, где проработал 21 год. Он принес в этот театр почерпнутый в России опыт и то отношение к театральному искусству, которому научился у русских артистов. Ст. Киров не был одинок. Лучшие артисты национального болгарского театра получили свое театральное воспитание в России. Многие из них учились в Филармонии у Немировича-Данченко. Такие артисты, как Адриенна Будецка, Елена Снежина, Крыстю Сарафов (один из лучших исполнителей роли Протасова в «Живом трупе» Толстого), Ганчев, Атанас Кирчев, принесли с собой в Народный театр методы и навыки русской театральной школы.

Традиции старшего поколения продолжают теперь молодые артисты Народного театра — Ив. Дымов, Вл. Трандафилов, Вл. Тенев, актрисы Невена Буюкриева, Зорка Юрданова и молодая, только что окончившая школу актриса Дельчева.

Влияние русского театра на болгарский выразилось не только в сценическом методе и стиле игры, но и в репертуаре.

С самого возникновения болгарского театра русская классическая драматургия была в нем желанной гостьей. «Горе от ума» Грибоедова, «Ревизор» Гоголя, «Лес», «Гроза», «Доходное место», «На всякого мудреца довольно простоты» Островского, «На дне», «Мещане», «Дети солнца» Горького — все эти пьесы издавна в репертуаре болгарского театра.

Русская драматургия потому так плотно вошла в репертуар болгарского театра, что образы русских писателей органически близки его актерам.

В последние годы на сцене болгарского театра было поставлено немало пьес советских авторов.

— Болгарская драматургия, — рассказывает Стефан Киров, — сильно отстает от общего развития идейно выросшей болгарской литературы, в которой с достаточной остротой ставятся уже социальные проблемы, обрисовываются социальные конфликты. В то же время болгарские драматурги все еще «трактуют» не слишком затейливые любовные сюжеты и «проблемы взаимоотношений» мужа, жены и любовника.

Нужно думать, что советская литература, приобретающая все большую и большую популярность в Болгарии в силу своего глубокого идейно-политического содержания, окажет свое влияние и на современную драматургию Болгарии.

МХАТ СССР им. ГОРЬКОГО возвращается сегодня в Москву

Французский критик Поль Гзелл о гастролях мхатовцев в Париже

Сегодня из Парижа в Москву возвращается увенчанный новыми успехами коллектив артистов Московского ордена Ленина Художественного академического театра им. Горького.

Свой сезон в Москве Художественный театр открывает 4 сентября — спектаклем «Мертвые души». 8 и 9 сентября МХАТ дает «Анну Каренину» и «Любовь Яровую» для гостей V советского театрального фестиваля.

★

Приехавший на фестиваль французский театральный критик Поль Гзелл, недавно смотревший спектакли МХАТ в Париже, с восхищением рассказывает о бесподобной игре замечательных советских артистов.

— Успех Художественного театра в Париже был исключительным, — рассказывает Поль Гзелл.—Не только друзья Советского Союза, находившиеся на спектакле, но весь зрительный зал был буквально захвачен неподражаемой игрой русских артистов. Я сам видел, как на спектакле «Враги» у многих зрителей на глазах были слезы.

Мне понятно, что эмигранты, которые также посещали спектакли МХАТ, испытывали чувство горечи, видя знакомых им артистов.

По окончании спектакля «Враги» долго не смолкали овации по адресу замечательного коллектива исполнителей и страны, искусство которой они показали.

Триумф мхатовцев превзошел все ожидания.

— Я приехал в Москву, — сообщил нам Поль Гзелл, — не только для участия в фестивале. Газета «Се суар» поручила мне корреспондировать в Париж обо всем новом и интересном, что я увижу в этот свой приезд в СССР.

Зная высокие принципы устройства общественной жизни в Советском Союзе, обеспечивающие широчайшим массам право на труд и направленные к улучшению их благосостояния, я не сомневаюсь, что найду в этом году новые свидетельства успехов социалистического строительства в СССР.

Я надеюсь, что мои корреспонденции о Советском Союзе послужат убедительным ответом Андре Жиду и всем тем, кто не сумел или не захотел увидеть тех высоких и благородных целей, к достижению которых победоносно приходит Страна Советов.

С'езд писателей Калмыкии

(От собственного корреспондента)

25 августа в Элисте закончился второй с'езд писателей Калмыкии.

С'езд прошел с большим под'емом. В выступлениях его участников была выражена неподдельная любовь и преданность делу партии большевиков и вождю трудящихся всего мира товарищу Сталину.

Во многих выступлениях по докладу правления ССП Калмыкии работа руководства союза была подвергнута резкой принципиальной критике.

С'езд поставил ряд актуальнейших для калмыцкой литературы вопросов. Писатели высказались за усиленное развитие оборонной литературы, за создание детской литературы, за организацию воспитательной работы с начинающими писателями и т. д. Кроме того было принято решение о постановке на широком писательском собрании доклада о троцкистско-авербаховской агентуре на литературном фронте.

За бытовое разложение и потерю бдительности вынесено серьезное предупреждение поэту Сенбелгину. Поэт Эрэндженов исключен из союза за антисоветские связи.

Писатели дали дружный отпор буржуазно-националистическим элементам, пытавшимся оказывать разлагающее влияние на литературную молодежь.

Тайным голосованием избрано новое правление.

Элиста. По телеграфу.

ТВОРЧЕСКИЕ КОМАНДИРОВКИ

На секретариате ССП

Вся страна готовится к предстоящим выборам в Верховный Совет Союза ССР.

На заводах, шахтах, в совхозах и колхозах нашей родины ежедневно проходят собрания и заседания по изучению нового избирательного закона.

Секретариат ССП постановил отправить писателей в творческую командировку по СССР, чтобы они могли ознакомиться с подготовкой на местах к предстоящим выборам в Верховный Совет Союза ССР.

★

Писательская общественность проявляет огромный интерес к деятельности кооперативного издательства «Советский писатель».

О творящихся в издательстве делах в печати писалось неоднократно. Несмотря на то, что первоначальный издательский план на текущий год был сокращен, теперь стало очевидным, что и он не будет выполнен.

Секретариат ССП решил поставить доклад правления издательства на заседании президиума ССП 2 сентября.

В своем постановлении секретариат ССП подчеркивает необходимость более широкого привлечения писателей к работе издательства, вовлечения молодых писательских кадров и значительного улучшения качества выпускаемой продукции.

★

В текущем году «Литературная газета» будет выпускать специальные полосы, посвященные литературе и литературному движению союзных республик.

Для организации материалов в республики и края командируются ответственные работники «Литературной газеты» и писатели тт. Корнейчук, Кирпотин, Вс. Иванов, Павленко, Луговской и др.

★

В первых числах сентября исполняется 125-летие со дня исторического Бородинского боя.

Секретариат ССП решил организовать в юбилейные дни экскурсию писателей в село Бородино.

Встреча нового учебного года

Пять тысяч ребят собрались вчера в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького на праздник встречи нового учебного года, устроенный Мособласткомом союза рабочих жилищно-коммунального строительства и Центральным клубом строителей им. Дзержинского.

В 12 часов дня на арене цирка Шапито зажгли пионерский костер. У костра выступали писатели, кружки детской художественной самодеятельности и приехавшие на праздник испанские пионеры.

В заключение детям была показана большая цирковая программа.

В городке пионера и школьника Центрального парка культуры и отдыха им. Горького проводились массовые игры.

В 5 часов дня в юношеском литературном клубе состоялась встреча детей строителей с творческим активом журнала «Мурзилка».

★

Сегодня в парке состоится большой костюмированный бал, на который приглашено 6.000 учащихся старших классов московских школ.

31 августа будет проведен праздник, посвященный XXIII Международному юношескому дню и встрече нового учебного года. В празднике примут участие 6 тысяч детей строителей Московского метрополитена.

26 августа летчик-испытатель т. В. Коккинаки и штурман капитан А. Брядинский совершили на самолете «ЦКБ-26» скоростной беспосадочный перелет по маршруту Москва — Севастополь—Свердловск—Москва, протяженностью 5018 километров 200 метров с коммерческим грузом 1000 килограммов. Этим перелетом т. В. Коккинаки превысил результаты трех международных рекордов. **На снимке: тов. В. Коккинаки у самолета «ЦКБ-26».**

Библиография

История великой семьи народов

«На земном шаре есть только одна социалистическая страна. Это наша родина. Она самая большая страна во всем мире. На севере ее вечные льды, а на юге летом так жарко, что вызревают апельсины и лимоны, растут чай и хлопок. По природным богатствам наша страна самая богатая в мире. Все, что нужно для жизни, имеется в нашей стране».

Этими строками, дышащими горячей любовью к нашей родине, великой и единственной социалистической стране, начинается новый, утвержденный Жюри Правительственной Комиссии, учебник «Краткий курс истории СССР» под редакцией проф. А. В. Шестакова. Таким же чувством гордости за свою страну, чувством безграничной любви к замечательному настоящему и захватывающим страницам прошлого ее талантливых и свободолюбивых народов проникнуты все главы этой книги, которая скоро украсит книжные полки наших школьников.

Новый учебник и данные в нем установки, как и решение Жюри, дающее четкое марксистское об'яснение ряда узловых моментов нашей истории, являются базой для дальнейшего развития исторической науки. Создание этого учебника стало возможным лишь в результате того огромного внимания и заботы, с которыми руководили этим делом партия и правительство, и в результате той упорной борьбы, которую вела и ведет наша партия со всеми извращениями на идеологическом фронте.

К осуществлению этой ответственнейшей задачи можно было приступить, только разгромив пустившую в свое время глубокие корни и довольно прочно засевшую в головах некоторых наших историков «теорию» так называемой «исторической школы» Покровского. Решающую роль в разгроме этой «теории» и в создании подлинной марксистско-ленинской истории народов СССР сыграли замечания тт. Сталина, Кирова и Жданова на конспекты учебников истории СССР и новой истории.

Новый учебник имеет огромное значение не только для нашей школы, не только для всего исторического фронта, но и для нашей художественной литературы, для исследовательско-критических работ по литературе, где вульгарный социологизм и извращение исторической действительности также принесли огромный вред. Достаточно вспомнить позорный провал «Богатырей» в Камерном театре, пьесы, опошлявшей и оплевывавшей прекрасный эпос великого народа, чтобы понять, какое огромное значение для всей нашей культурно-политической жизни, для всех отраслей искусства имеет выход в свет нового марксистского учебника истории нашей родины.

На двухстах богато и интересно иллюстрированных страницах, в сжатом, но живом и запоминающемся изложении дает учебник историю великой семьи народов Советского Союза.

«Наша родина в далеком прошлом» — так называется первая глава книги. Здесь живо и интересно рассказывается о тех далеких временах, когда еще почти вся наша страна была покрыта сплошным льдом. Но неумолимая и всесильная поступь времени снимала постепенно, из столетия в столетие, эту ледяную корку, и на освобожденной от ледяного покрова земле появились первые люди. В тяжелой борьбе с природой, со слепыми силами стихии отвоевывали люди свое право на существование. Тогда еще не было ни богатых, ни бедных, ни частной собственности и государства, сказку об извечности которых выдумали для защиты интересов буржуазии ее продажные ученые и писаки.

«Краткий курс истории СССР». Учебник для 3-го и 4-го классов начальной школы. Под редакцией проф. А. В. Шестакова.

Уже с первой главы история СССР предстает как история многочисленных населяющих его народов. Не с традиционного и ложного «призвания варягов», а с образования государств на юге Закавказья и в Средней Азии начинают авторы учебника описание древнейших государств в нашей стране.

«Самые древние государства в нашей стране возникли на юге Закавказья. Это было около 3000 лет назад. Первое государство Закавказья называлось Урарту в районе Арарата у Ванского озера. Его повелители властвовали над грузинскими племенами. У них было много рабов, которые строили им дворцы, рыли каналы для орошения царских полей и садов.

Это было государство родоначальников нынешней Грузии».

Затем идет описание славян, их быта и занятий. Не ленивая и инертная масса, как это пытаются изобразить фашистские мракобесы-«расисты», а храбрые и мужественные племена предстают перед читателем.

Вторая глава учебника — «Киевское государство». Здесь идет описание энергичной деятельности первых киевских князей — Рюрика, Олега, Игоря, Ольги и Святослава. Они укрепляют границы государства, собирают разрозненные племена и княжества, совершают большие военные походы. Одновременно становится все резче социальное неравенство, все тяжелее зависимость от князя и все больше дань, налагаемая на население. Без всякого искусственного социологизирования, из простого и понятного рассказа становится ясным окончательное разложение первобытно-коммунистического строя и формирование феодализма.

Усиливающаяся эксплоатация требует усиления княжеской власти, и эта власть ищет новую опору в принятии христианской веры. Но христианство принесло с собой и большой культурный прогресс (эта роль христианства в киевском государстве, между прочим, была извращена в свое время и автором и постановщиком «Богатырей»).

«Христианство в свое время было в сравнении с язычеством шагом вперед в развитии России. Вместе с христианством среди славян распространялась и греческая культура и образованность. Византийские мастера обучали славян строить и украшать дома и церкви. Ученые греческие монахи создали славянскую азбуку».

Это глубокое обобщающее определение роли христианства в тот период, данное в учебнике, целиком совпадает с оценкой ее в постановлении Жюри.

Но борьба закрепощенного населения, стихийные восстания в городах против князей и бояр, внутренние распри между самими князьями ослабили Киевское государство, и место захиревшего Киева занимает большой торговый город Новгород. Замечательным, подлинно героическим и одним из самых захватывающих моментов истории Новгорода является борьба новгородцев с завоевателями из разбойничьего тевтонского ордена — «псов-рыцарей», как назвал их Маркс. Ярко и увлекательно рассказывает об этом учебник.

«Немцы-рыцари с сильным войском напали на новгородскую землю, разоряли города и угрожали разорением Новгороду. Князь Александр Невский собрал свои войска и дал немцам решительный бой на льду Чудского озера. Битва была очень упорной — лед покраснел от крови. В этом Ледовом побоище немцы не выдержали натиска храбрых новгородских воинов и побежали. До самой границы своих земель Александр Невский преследовал врага. Так новгородцы решительно отразили врага и отстояли свою землю от немецких насильников».

Третья глава учебника — «Восточная Европа под властью монгольских завоевателей». Со стремительной силой обрушилось на раздробленные русские княжества татаро-монгольское завоевание. Раздираемые внутренней борьбой, русские княжества не смогли оказать достаточно сильного сопротивления, и на народы Восточной Европы тяжелым бременем легло татаро-монгольское иго, длившееся свыше 200 лет.

И. СОСОНКИН

Но одновременно зарождается и крепнет на русской земле новая большая сила. Сожженная ханом Батыем Москва, расположенная на удобных речных путях и в центре русских княжеств, отстраивается вновь и начинает собирать вокруг себя все другие княжества. Этому способствует энергичная деятельность московских князей, Ивана Калиты и его потомков. Одновременно с ростом и усилением Московского княжества слабеет Золотая Орда, основанная Батыем. Уже в 1380 году Дмитрий Донской в битве на Куликовом поле нанес татарским полчищам первое поражение, а в 1480 году при Иване III татаро-монгольское иго кончилось. Русское государство выросло в это время втрое в результате удачных войн, Иван III стал «государем всея Руси», а его гербом стал двуглавый орел — древний герб Византии.

Одновременно с этим усилением и ростом Русского государства все ухудшается положение крепостных крестьян. На их подневольном труде зиждется богатство князей, бояр и монастырей. У крестьян отнимается даже право ухода от феодалов в Юрьев день. При Иване Грозном Русское государство растет также за счет захвата и грабежа земель народов Поволжья и Сибири. Этот рост эксплоатации и колониальных захватов приводит к мощному под'ему волны крестьянских восстаний, превращающихся при Шуйском в крестьянскую войну.

Ослаблением Русского государства пытаются воспользоваться польские паны, чтобы посадить на престол своего ставленника и авантюриста Лжедмитрия, которого «теоретики» из «школы Покровского» и некоторые литераторы рядили в тогу народного героя и «демократического царя». Прекрасно показаны в учебнике и подлинное лицо Лжедмитрия, и предательство бояр, под угрозой все разраставшейся крестьянской войны посадивших на трон польского королевича Владислава. Превосходно показан мощный под'ем народного патриотизма. Ополчение во главе с Мининым и Пожарским прогнало поляков, засевших в Московском Кремле. Не польский наемник Лжедмитрий, а Иван Болотников показан как настоящий крестьянский вождь. Поражением его армии, как и поражениями последующих крестьянских восстаний дается четкое марксистское об'яснение. Только в союзе с пролетариатом, и под его руководством крестьянство может победить в революции.

«Армия восставших мужественно защищалась, но потерпела поражение. Оно и понятно. Крестьяне не имели тогда такого союзника и руководителя, как рабочий класс. Да и сами крестьяне были несознательны. Они воевали не против царизма и помещичьего строя, а против плохого царя и плохих помещиков, за «хорошего» царя и «хороших» помещиков».

Но крестьянские волнения не прекратились. Уже второму Романову, Алексею Михайловичу, пришлось подавлять восстание Степана Разина, а при Екатерине II русское самодержавие сотрясалось под мощными ударами восстания Емельяна Пугачева, в котором принимали участие и многочисленные покоренные русским царизмом народы, выдвинувшие своих замечательных вождей и героев, например, замечательного деятеля пугачевского восстания Салавата Юлаева.

При первых Романовых Россия была отсталой и некультурной страной, нуждавшейся в решительных преобразованиях. Эти преобразования жестокими мерами властно провел Петр I, «умный и деятельный царь», много сделавший для прогресса России. «При Петре I Россия значительно продвинулась вперед, но оставалась страной, где все держалось на крепостном угнетении и царском произволе. Усиление Российской империи при Петре I было достигнуто за счет гибели сотен тысяч трудящихся, за счет разорения народа. Петр I сделал очень много для создания и укрепления государства помещиков и купцов». Совершенно ясна огромная роль, которую играет правильная оценка этих важнейших событий истории СССР для нашей литературы и искусства.

Без этого невозможно создание ярких и полноценных исторических романов, правдивых и убедительных драматургических произведений, кинокартин и т. д.

Реформы и завоевания Петра I сделали Россию крупнейшим фактором общеевропейской политики, а необходимость защиты интересов помещиков и купцов обусловила ее реакционную роль в этой политике. Реакция внутри страны и за ее рубежами — таковы две линии российской самодержавной политики, получающие свое яркое выражение в самом названии восьмой главы учебника — «Царская Россия — жандарм Европы».

Зарево Французской революции вызвало смертельный ужас у русского дворянства, потому что оно напомнило им о громе Пугачевского восстания. И Екатерина II, и Павел I ведут борьбу с революционной Францией, а когда Павел попробовал заключить союз с Наполеоном, он был убит в результате дворянского заговора при участии его собственного сына.

В 1812 году огромная армия Наполеона, отнявшего у французского народа все завоевания революционных лет, вторглась в Россию. Но народ, вновь охваченный чувством подлинного патриотизма, довел до полного истощения «великую армию» Наполеона, который с жалкими остатками бежал за границу. Во Франции силами победителей была восстановлена монархия, а «Священный союз», в котором главную роль играла Россия, стал оплотом европейской реакции. Эта реакция, с неменьшей силой свирепствовавшая и внутри страны, особенно усилилась при Николае I, начавшем свое царствование варварским подавлением восстания декабристов, первого поколения русских революционеров.

Именно так, на основе ленинской характеристики оценивает декабристов учебник. «Их было немного, и они не были связаны с народом. Но декабристы первые организованно и открыто выступили с оружием в руках против самодержавия в самой царской столице. Их дело не погибло. Его продолжали следующие поколения революционеров».

Пять виселиц на Сенатской площади стали страшным символом эпохи Николая I. Это была эпоха, затравившая Пушкина и Лермонтова, Белинского и Шевченко, десятки других замечательных сынов народа. Это была эпоха шпицрутена и разнузданного фельдфебельского сапога.

Следующая глава — «Рост капитализма в царской России». Напуганное угрозой революции «снизу», царское самодержавие идет на отмену крепостного права, одновременно ограбив крестьян и отняв у них лучшие земли.

В России начинается рост капитализма, быстрая социальная дифференциация деревни, формирование пролетариата. Учебник рассказывает о том, как в это время на Западе развивается деятельность великих основоположников научного социализма — Маркса и Энгельса, рассказывает о Парижской Коммуне, о I Интернационале. Таким образом, история России, в которой развитие капитализма сильно тормозилось феодальными пережитками, излагается все время в тесной связи с общеевропейской историей. Этот показ отсталости России по сравнению с Западной Европой «дает — как отмечает постановление Жюри — один из важнейших ключей к истории России последних столетий...»

Правильную, четкую ленинскую характеристику дает учебник народникам, которые в эту эпоху быстрого формирования рабочего класса в России срывали союз пролетариата с крестьянством, отрицали роль пролетариата, как гегемона революции, направляя тем самым революционное движение по ложному, обреченному на неудачу пути. «Деятельность народников была вредной потому, что они мешали рабочему классу понять его ведущую роль в революции и тормозили создание марксистской рабочей партии, отвлекали внимание трудящихся от борьбы со всем классом угнетателей бесполезными убийствами отдельных представителей этого класса и тормозили создание союза рабочих и крестьян».

Затем в такой же простой и доступной форме рассказывается о зарождении марксизма в России. Вслед за первыми марксистскими кружками, за плехановской группой «Освобождение труда» начинается деятельность великого вождя и учителя пролетариата Владимира Ильича Ленина. Растет и ширится революционное движение народных масс, организуются «Союзы борьбы» — зародыши большевистской партии, начинает выходить «Искра», революционные организации пролетариата крепнут и растут по всей стране, от центра до окраин, от Петербурга до Закавказья, «где подвизался с конца девяностых годов прошлого века ученик Ленина т. Сталин».

Духом героической борьбы веет от этих и последующих страниц книги. Просто и понятно, ярко и живо рассказывает она о том, как наша партия и ее великие вожди Ленин и Сталин привели рабочий класс и крестьянство нашей страны к победе Великой Октябрьской социалистической революции, к разгрому капиталистов, помещиков и интервентов в гражданской войне. Замечательные большевики, лучшие сыны партии, верные соратники Ленина и Сталина — Киров, Ворошилов, Каганович, Орджоникидзе, — руководили массами на фронтах гражданской войны и социалистического строительства.

Учебник показывает измену родине русских помещиков и капиталистов, продавших свою страну иностранному капиталу ради возвращения потерянного господства. Учебник излагает и раз'ясняет «тот важнейший для истории СССР факт, что российские капиталисты и помещики, потерпев поражение еще в конце 1917 года почти на всей территории СССР, решили продать свою страну и ее независимость германским империалистам, затем империалистам Антанты» (постановление Жюри конкурса).

Ненависть и презрение вызовут у читателя имена подлых изменников и предателей родины, фашистских наймитов Троцкого, Зиновьева, Каменева и др. Простым и понятным языком рассказывает учебник о гнусной «работе» этой банды шпионов, диверсантов и убийц, разоблачая и громя которых, ленинско-сталинская партия ведет народы СССР от победы к победе.

Изложением основ Сталинской Конституции, описанием героических дел и дней социализма заканчивается учебник. Он воспитывает в учащихся не только чувство безграничной любви к родине и ее истории, но и непоколебимую уверенность в дальнейших победах великой социалистической семьи народов.

Эта прекрасная книга должна стать основой для новых исследовательских и литературно-беллетристических трудов по истории нашей страны, для все более глубокой разработки замечательных страниц нашего богатейшего прошлого.

Скульптура, изображающая знаменитого сказителя эпоса «Манас» Сагинбай Орозбакова. Картинная галлерея гор. Фрунзе. (Союзфото)

Литературное наследие шестидесятников

Вышел 25—26 том «Литературного наследства», посвященный писателям шестидесятых годов.

Центральное место в томе занимают материалы и статьи о двух великих русских просветителях — революционных демократах Н. Г. Чернышевском и Н. А. Добролюбове.

Открывается книга статьей, знакомящей читателя с оценкой творчества Добролюбова основоположниками марксизма—ленинизма. Затем идут работы: В. Полянского — «Н. А. Добролюбов — историк литературы», Г. Берлинера — «Литературные противники Н. А. Добролюбова», Н. Бельчикова — «Революционно-демократическая беллетристика 60-х годов».

Много новых данных о Добролюбове содержат публикуемые впервые переписка критика с издателем «Журнала для воспитания» А. Чумиковым, с сотрудником этого же журнала И. Паульсоном и воспоминания о Добролюбове его товарищей и знакомых — М. Шемановского, Б. Сциборского, И. Сладкопевцева и др.

В книге помещены также неизданный отрывок перевода Добролюбова из Фейербаха, заметка Добролюбова «Известие» и два письма к нему Некрасова.

В одном из них поэт жалуется на притеснения цензуры: «Современник у нас идет так себе. VI № выпустили 15-го числа. Цензура рассвирепела, да авось уймется».

*

Из литературного наследия Чернышевского печатается несколько семинарских и студенческих работ; неопубликованные в свое время по цензурным обстоятельствам тексты и исторические статьи писателя: рецензия на книгу Карла Задлера «Опыт исторического оправдания Петра I против обвинений некоторых современных писателей», «О покорении цивилизованных народов полудикими» и др.

Большой интерес среди этих материалов представляют впервые появляющиеся в печати высказывания Чернышевского о Белинском и Добролюбове.

«Иметь более или менее обширные знания, — пишет Чернышевский, — еще не особенная редкость или важность. Важнее быть человеком с прочным образованием, но еще гораздо важнее для писателя, который имеет решительное влияние на публику, гораздо важнее иметь твердую, стройную систему воззрения, в которой одно понятие не противоречило бы другому, одно понятие не опровергалось бы другим... Автор статей о Пушкине был так счастлив, что не только развил в себе стройный и твердый образ воззрений на литературные вопросы... но и распространил его в публике, которая теперь в свою очередь начала иметь прекрасное влияние на литературу и не допускает ее уклониться от прочных оснований, положенных автором статей о Пушкине, по крайней мере, не позволяет уклониться так далеко, как без охранения со стороны публики могло бы это случиться при стремлении многих талантливых писателей возвратиться на прежнюю догоголевскую колею.

Все эти редкие качества ума и характера, которыми природа наделила автора статей о Пушкине, были посвящены, как мы уже указали в предыдущей статье, служению одной высшей идее, — служению на пользу родной страны без страха и лицеприятия».

Эту глубокую любовь к родине, к своему народу Чернышевский отмечает и в другом великом критике-публицисте Н. А. Добролюбове:

«...невознаградима его потеря для народа, любовью к которому горел и так рано сгорел он. О, как он любил тебя, народ! До тебя доходило его слово, но когда ты будешь тем, чем хотел он тебя видеть, ты узнаешь, как много для тебя сделал этот гениальный юноша, лучший из сынов твоих».

Писатель не ошибся в своем предвидении: гений Добролюбова, его заслуги перед родиной полностью оценены и признаны в наши дни народами Страны Советов.

Кроме этих материалов в томе печатаются неизданные стихотворения поэтов-шестидесятников — Н. Серно-Соловьевича, Р. Щиглева, И. Гольц-Миллера, Н. Курочкина, неизданная статья Н. Шелгунова о «добролюбовцах» и «писаревцах», неопубликованное стихотворение Н. Некрасова и др.

Том иллюстрирован портретами писателей-шестидесятников, фотоснимками с их рукописей и различных автографов.

В. АНОВ.

К. МАЛАХОВ

История и литература

«Постановление Жюри Правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4 классов средней школы по истории СССР», как и учебник, одобренный Правительственной комиссией, имеют значение не только для учащихся и преподавателей истории. Они являются ценным вкладом в историческую науку и крупным событием в культурной и политической жизни страны.

Десятки миллионов трудящихся СССР выросли политически и культурно. Советский патриотизм, любовь к своей стране вызывают желание знать историю героической борьбы народных масс за свое освобождение. Этот интерес к истории находит свое выражение и в том огромном спросе, который пред'являет читатель на историческую художественную литературу.

Замечания тт. Сталина, Кирова, Жданова на конспекты учебников по истории, постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) о преподавании гражданской истории легли в основу разработки проблем истории. Постановление Жюри Правительственной комиссии свидетельствует о том, что эти указания вождей нашей партии нашли отклик среди советских историков и принесли свои плоды в виде первого подлинно-научного марксистского учебника. Но и само постановление Жюри конкурса содержит богатейший материал, необходимый как историку, так и литератору. Постановление Жюри, развивая замечания тт. Сталина, Кирова и Жданова, помогает овладению историческим наследством классиков марксизма.

Нельзя быть литератором, не борясь за овладение большевизмом, нельзя овладеть большевизмом и быть марксистски грамотным человеком без знания истории.

На пути к созданию настоящих марксистских учебников по истории тяжелым препятствием лежал груз антибольшевистских ликвидаторских теорий «школы» Покровского. Замечания тт. Сталина, Кирова, Жданова и работа, проделанная историками на основе этих замечаний, разоблачили вредную роль исторической «школы» Покровского и этим самым сделали возможным создание настоящей, правдивой книги по истории.

В области исторической художественной литературы также гуляло немало ненаучных, вульгаризаторских и враждебных теорий. Взять хотя бы известное обвинение писателей в том, что они, занимаясь исторической тематикой, уходят от современности. Об'ективно подобные обвинения были на руку контрреволюционным фальсификаторам истории, кровно заинтересованным в том, чтобы поменьше было книг, освещающих перед трудящимися массами в марксистско-ленинском духе прошлое народа.

Не случайно троцкистские лакеи фашизма пытались использовать историю в своих клеветнических целях. Достаточно взять высказывания их по поводу исторического романа. Бандит Ваганян, говоря о романе А. Толстого «Петр I», проводил клеветническое уподобление социалистической революции эпохе петровских реформ. Этим сравнением матерый троцкист Ваганян стремился оклеветать борьбу за социализм, диктатуру пролетариата.

Так пытались «ориентировать» советского писателя агенты врага. Вместе с этим они протаскивали национальный нигилизм, пренебрежительное отношение к прошлому своей страны. И если фашисты сочиняют теории о превосходстве «арийской» расы, то обер-бандит Троцкий и его последыши делают то же самое с другого конца, всячески принижая великие народы страны, первой пришедшей к социализму, опорачивая ее прошлое.

Но необходимо отметить, что в литературной практике советских писателей эти теории имели мало успеха. Для многих советских писателей самый подход к исторической теме, самый факт, что писатель брался за историческую тему, являлись показателями активного поворота в сторону социализма.

Рост числа произведений на исторические темы является результатом стремления ряда писателей свое желание участвовать в борьбе за социализм связать с революционными традициями исторического прошлого народа, чтобы в художественной литературе на образцах героической борьбы прошлого воспитывать новые поколения строителей социализма. Историческое произведение дает возможность раскрыть преемственность современной борьбы за социализм. Историческая литература имеет огромнейший материал о борьбе народных масс против своих угнетателей, о серии крестьянских войн, о героических восстаниях крестьянства, терпевшего поражения до той поры, когда, наконец, возник рабочий класс, создалась большевистская партия, сложился прочный союз рабочего класса и крестьянства и этим была обеспечена победа над эксплоататорами.

Советские писатели, связавшие свою жизнь и работу с делом социализма, изучая историю и давая ее в художественных образах, тем самым ведут борьбу с фашистской фальсификацией истории. Борясь против попыток фашистов и их троцкистских подпевал оклеветать нашу родную страну, советские писатели воспитывают в новых поколениях любовь к стране и к ее народам, которые после многих веков героической борьбы смогли одержать победу и построить социализм.

М. Горький писал еще в 1931 году: «У нас создан подлинный и высокохудожественный исторический роман... Превосходный роман А. Н. Толстого «Петр I», шелками вытканный «Разин Степан» Чапыгина, талантливая «Повесть о Болотникове» Георгия Шторма, два отличных, мастерских романа Юрия Тынянова — «Кюхля» и «Смерть Вазир Мухтара» и еще несколько весьма значительных книг из эпохи Николая I. Все это поучительные, искусно написанные картины прошлого и решительная переоценка его». (Горький «О литературе», Изд. «Советский писатель»).

С того времени появилось много новых исторических произведений. Широко известен всей стране «Тихий Дон» М. Шолохова. Новый роман «Гулящие люди» написал Чапыгин. Ряд романов, повестей и пьес написан советскими писателями о Пушкине. Из этого пушкинского цикла в первую очередь необходимо отметить роман Тынянова. Два новых исторических романа «Якобинский заквас» и «Казанская помещица» дала Ольга Форш.

Правда, подчас на некоторых из них сказываются еще неизжитые и непреодоленные ошибки «школы» Покровского. Встречаются отдельные случаи и просто легкомысленного отношения писателя и к теме и к читателю.

Образцом такого легкомыслия является произведение Мариенгофа, напечатанное в № 9 и 10 журнала «Литературный современник» за 1936 год. Это произведение представляет собою сумму анекдотов, которые Мариенгоф без большого труда собрал в дореволюционной мемуарной, беллетристической и просто альковной литературе. Именно к альковным деталям чувствует автор особенное влечение. Никаких даже попыток дать образ Екатерины II, с начала царствования которой Россия выступает в качестве международного жандарма, автор не делает. Но такое отношение к истории, которое проявил Мариенгоф, редкое исключение.

Столь же редки в исторической литературе и прямые покушения оклеветать историю своей страны. «Смута» Галкина один из примеров этого рода. Значительно чаще такие случаи, когда писатель, пытаясь опереться в своей работе на историка, падает жертвой плохой исторической консультации, ошибочной исторической концепции. Это случилось не так давно с писателем Давыдовым, давшим несколько лет тому назад яркий роман «Беруны» и не так давно допустившим крупные ошибки в романе «Дикий камень».

Два автора в 1936 году продемонстрировали, как ошибочная историческая концепция, положенная писателем в основу исторического произведения, приводит к искажению исторической действительности. В № 9 журнала «Знамя» за 1936 год была напечатана повесть Аристова «Дело подполковника Энгельгардта». Повесть рисует начальный период войны 1812 года. Желая показать угнетение крестьян в России и те надежды, которые в некоторых слоях русского населения были связаны с Наполеоном I, Аристов изобразил все крестьянство во время Отечественной войны, как людей, которые с нетерпением ждут прихода Наполеона и только от него ожидают освобождения. Неоднократно акцентируется эта мысль на протяжении всей повести. Конечно, кое у кого, особенно в начале войны, была некоторая, быстро погасшая надежда на то, что Наполеон освободит крепостных. Но неправильно изображать войну 1812 года так, что ее вели только дворяне и казаки. Французские войска с самого начала пришли, как чужеземные завоеватели. Россию защищали не только и не столько правящие классы, сколько основная масса населения — крестьяне, которые начали и победоносно окончили национально-освободительную героическую войну. Ленин писал: «Когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн получились империалистические, породившие в свою очередь национально-освободительные войны против империализма Наполеона» (Ленин, т. XIX, стр. 181).

Аристов не дал этой диалектики истории, этого превращения освободительных войн Франции в захватнические, вызвавшие в странах, куда вторгался Наполеон, в частности в России в 1812 году, под'ем национального чувства и тот взрыв героизма народных масс, который обусловил поражение Наполеона.

Явно под влиянием «теории» Покровского написана новелла Цирельсона «Казак Барух» («Звезда», 1936 г., № 11). Желая показать неоднородность Запорожской сечи, классовую борьбу внутри нее между основной массой казачества и богатыми старшинами, Цирельсон совершенно замолчал значение Запорожской сечи, являвшейся военной организацией украинского народа, вынужденного давать отпор грабительским набегам на Украину турок и татар и попыткам польских панов захватить Украину. Даже в смысле национального состава Цирельсон рисует Запорожскую сечь, как нечто не связанное с украинским народом, как интернациональное сборище болгар и евреев, калмыков и испанцев, поляков и великороссов. Украинцы по Цирельсону занимают едва ли не последнее место в Запорожской сечи. Походы Запорожской сечи так же, как и внешнюю политику Польши, определяет откупщик Юдич. Весь сложный переплет и национальной, и классовой борьбы, в центре которого стояла Сечь, у Цирельсона заслонила фигура «некоронованного короля» Польши, представителя торгового капитала Шауль Юдича.

Трудно переоценить значение для литературы тех указаний по вопросам истории, которые дали партия и правительство. В течение ряда лет вожди нашей партии помогают и историкам и литераторам правильно подходить к истории, правдиво показывать прошлое своего великого народа. И эти указания не прошли бесследно для художественной литературы. Историческая романистика растет и количественно и качественно. Недаром Горький отмечал то обстоятельство, что он не знает «в прошлом десятилетия, которое вызвало бы к жизни столько ценных книг». В той же статье Горький писал: «Создан исторический роман, какого не было в литературе дореволюционной».

При всей разнице художественного уровня, при всем обилии исторической художественной литературы есть нечто общее во всех произведениях советских исторических романистов. Советский исторический роман народен. В центре внимания советского писателя прежде всего народные массы, он рисует события, затрагивающие интересы миллионов.

Общим для советской исторической художественной литературы является то, что советский писатель выступает, как человек, переоценивающий историческое прошлое, ниспровергающий прежний подход к историческим событиям. Переоценивая прошлое страны, советский писатель дает образы народных героев в новом, верном освещении.

Воспитывая в читателе чувство любви к своей родине, советский писатель воспитывает вместе с тем в нем и подлинный интернационализм. Потому что настоящий интернационализм заключается не в принижении своей национальности перед другими. Наоборот, глубоко интернациональна уверенность в том, что и мой народ, который на протяжении веков давал образцы великих дел, а в настоящем совершает еще более героические подвиги, что этот народ уже доказал свою способность с честью принять участие в великом соревновании народов мира, идущих к социализму. И вся история нашей страны показывает, что наш великий народ по праву занял почетное место передового отряда, ударной бригады среди народов, борющихся за социализм.

М. ЖИВОВ

Путем Барбюса

Два года прошло с того дня, когда не стало Анри Барбюса, этого выдающегося писателя Франции, друга трудящихся Советского Союза, славного борца против фашизма, за дело мира, за освобождение трудящегося человечества от гнета капитала. Но он стоит перед нами, как живой, в своих делах и творениях, этот замечательный человек нашей эпохи, оправдывая слова, сказанные Максимом Горьким в день его смерти: «Для таких людей, как Анри Барбюс, день смерти является началом итога их работы, началом расширения и усиления ее революционной значимости».

Сегодня, когда фашистские самолеты бомбардируют города и села героической Испании, звучат так же современно, как двадцать лет назад, его «страшная и радостная книга» — «Огонь».

Живы и бессмертны и другие его произведения, в которых он клеймил строй эксплоатации и призывал к восстанию против него. И над всеми его творениями — его книга «Сталин», в которой он талантливо осуществил смелую попытку дать образ великого вождя народов, книга, завершившая творческий путь Барбюса.

Живы и бессмертны его дела революционера и бойца, не менее значительные, чем его литературное творчество. Это он, лишь только отгремели пушки империалистической войны, стал собирателем сил интеллигенции для борьбы против строя, порождающего войны. Это он был основателем группы «Кларте», пытавшейся впервые объединить передовую интеллигенцию Франции. Это он в первые годы Октябрьской революции доказывал, что поход против русской революции — это поход против социализма. «Знамя советской социалистической республики, — писал он, — это — красное знамя освобожденного человечества». И он со всей резкостью борца заявлял, что равнодушие есть пособничество убиению революции. И каждый раз, когда над советской страной сгущались тучи, он поднимал громкий голос в защиту страны социализма. Это он был инициатором и организатором Амстердамского антивоенного конгресса; и на первом международном конгрессе писателей еще звучала его страстная и призывная речь.

«В каких только частях света он не появлялся, подобно странствующему рыцарю, согбенному под тяжестью доспехов, подымая во всем мире «крестовый поход» против социального угнетения, против империализма, против расизма, против войны», — восхищенно писал о нем его друг и соратник Ромэн Роллан. И дальше: «Он имел счастье видеть, как вдохновленное им мощное движение ширилось, подобно могучей реке, в которую вливаются притоки со всей земли».

Поистине огромную роль сыграл Барбюс в объединении передовой интеллигенции всего мира. Слова Горького подтвердились: смерть Барбюса явилась началом усиления и расширения революционной значимости его работы, и сегодня, в день второй годовщины его смерти, можно с удовлетворением и гордостью подвести новые итоги начатого им дела.

Анри Барбюс на фронте в империалистическую войну.

Анри Барбюс впервые приехал в СССР в 1927 году, в дни празднования десятилетия Великой Пролетарской революции. И именно после этой поездки сильнее, чем раньше, стали звучать слова его, вскрывавшие ложь, фальшь и лицемерие буржуазных порядков; им он противопоставлял теперь то новое, что увидел в стране социализма, что глубоко взволновало и восхитило его, наполнив энтузиазмом и порывом, волей и верой. Его очерки о Стране советов, его статьи в основанном им журнале «Монд», его книги о СССР — все это обнаружило в нем не только талантливого писателя, просто и искренно сумевшего нарисовать правдивую картину виденного и пережитого, но и стойкого революционера, борца за пролетарскую диктатуру.

В том же году в СССР приезжал другой французский писатель — Люк Дюртен. Он выпустил книгу о Советском Союзе под заглавием «Москва и ее вера. Другая Европа». Эта книга, может быть, тоже была вполне искренна. Писатель не искажал нарочито советской действительности, он честно отмечал, что положительного внесла революция в жизнь советских народов. Но он не мог понять процессы, происходившие в стране пролетарской диктатуры, не мог с той прозорливостью, как Барбюс, увидеть ростки нового там, где их находил Барбюс. Он нес на себе тяжелый гнет мелкобуржуазных предрассудков, которые, как мы знаем из замечательных слов Ромэн Роллана в его «Прощании с прошлым», так трудно бывает сбросить интеллигенту, воспитанному на этих предрассудках. Люк Дюртен смотрел на все глазами «европейца», воспринимал виденное обособленно от всей современности, и поэтому для него СССР был «другой Европой», а большевизм — «московской верой».

Его восхищало многое в советской молодежи, но он не понимал процессов ее воспитания. «Вы кичитесь, — писал он в своей книге, — что вы открыли единственно правильный путь для всех людей ума». Но, по его мнению, это был «узкий путь», стеснявший человеческий ум, который «идет туда, куда он хочет».

Мы хотим сопоставить это с тем, что пишет Люк Дюртен в своей новой книге о СССР, выпущенной им после прошлогодней поездки по Союзу и опубликованной в журнале «Знамя».

Говоря о результатах, достигнутых Страной советов, и отмечая, что «каждого из них в отдельности было бы достаточно, чтобы поддержать престиж революции», Дюртен в качестве одного из них приводит «образование новой морали, не связанной с догмами».

«Справедливость, — пишет он, — слово, которое опьяняет там своих последователей, как идея милосердия опьяняла первых христиан. Диктатура массы, как пролог к будущему освобождению человека; труд, находящий вознаграждение в самом себе, в красоте усилия, слияние в один поток всех индивидуальных жизней, — таковы идеалы, перед которыми в СССР склоняются не только теоретики, но и массы, воспринимающие их все более сознательно. Впервые в истории социализма система возносит человека на высоту божества: глубоко новый фактор, который принесла с собой эта новая вера».

И в другом месте:

«В стране, где самые мощные научные учреждения в мире умеют донести мысль до деревни и завода, творчество перестало быть изолированным. Здесь вся масса участвует в усилиях тех, кто занят научными изысканиями. Все связаны друг с другом. Нет сомнения, что культура выиграет от усилий социализма, самых героических из всех, которые когда-либо прилагались человечеством с целью внести порядок и законы мысли туда, где всегда царствовал случай, где обстоятельства правили человеком».

Через десять лет Люк Дюртену стало ясно, что человеческому уму в СССР открыт не «узкий путь», а самые широкие творческие горизонты, что гениальное провидение классиков марксизма легло в основу коммунистического воспитания; что социальная справедливость определяет новую мораль; он увидел, что социалистическая система высоко возносит человека; он убедился, что в СССР создается новая культура, новое общество.

И, сопоставляя обе книги Люк Дюртена, мы убеждаемся, что усилия Барбюса объединить передовую интеллигенцию для борьбы за социализм дают плоды и после его смерти. Люк Дюртен сделал достойный вывод: он пошел путем Барбюса.

Люк Дюртен не один. На путь Барбюса, на путь Роллана, на путь Горького становятся теперь все, кому дороги великие идеи свободы и справедливости, кто понимает необходимость борьбы за новый общественный строй, за счастливую жизнь человечества. Второй международный конгресс писателей, состоявшийся недавно в героической Испании, убедительно иллюстрировал это. И здесь надо остановиться на двух выступлениях — Андре Шамсона и Жюльена Бенда и вспомнить их же выступления на первом конгрессе.

На первом конгрессе Андре Шамсон выступил с докладом о нации и культуре. Он тогда уже осудил национализм. Он заклеймил фашистскую Германию, в которой подлинно национальная культура разгромлена и подавлена. Он отдал должное СССР, где в борьбе с национализмом достигнуто «торжество всех ценностей национальных культур». Но свой доклад Андре Шамсон заключил следующими словами, обращенными к врагам культуры: «Я ваш враг, потому что я француз с тех пор, как Франция существует... Потому что я привязан к этой земле ее кладбищами и бороздами на ее полях».

На втором конгрессе Андре Шамсону уже было вполне ясно, что борьба против звериного национализма фашистских варваров не определяется привязанностью к кладбищам и бороздам. Когда он выступал со своей речью в Испании, Мадрид был для него роднее родного Парижа, и кладбища, где похоронены жертвы фашистских налетов, волновали его больше, чем воспоминания о похороненных традициях. И в речи своей он призывал писателей мира «разбудить народы, которые терпят совершаемые в Испании фашистские преступления».

Еще более решительный шаг сделал Жюльен Бенда. И он, выступая на первом международном конгрессе писателей в Париже, показал себя противником фашизма, человеком, возмущенным фашистским варварством; но он еще не был вооружен великой и непобедимой святой ненавистью, вложившей в уста великого гуманиста Максима Горького исторические слова: «Если враг не сдается, его уничтожают». Жюльену Бенда казалось, что у него «свой» гуманизм, не тот, который утверждают в Стране советов, и он думал, что должен хранить этот свой гуманизм, как реликвию своей «западноевропейской» мысли, противопоставляя ее мысли коммунистической.

Выступление Жюльена Бенда на втором международном конгрессе писателей показало — он уже понял, что нельзя сидеть сложа руки, если хочешь отстоять от варварских покушений фашизма идеи подлинного гуманизма. И ему стало ясно, что призывы, идущие из Страны советов, строящей новое коммунистическое общество, указывают единственный правильный путь борьбы и победы. «Мое место, — сказал он в своей речи на втором конгрессе, — сейчас в Испании потому, что здесь люди борются против варварства... Мы приехали в Испанию, чтобы показать, где место честного писателя в эти ответственные дни».

Жан Ришар Блок в своей «Непроизнесенной речи» писал: «Анри Барбюс, пока наша воля, порожденная твоей волей, пока наша искренность, порожденная твоей искренностью, останутся верны себе, до тех пор они останутся верны твоему имени, твоему примеру, твоей памяти». Воля и искренность Анри Барбюса продолжают зажигать сердца и покорять умы теперь так же, как в дни его жизни. Его память, его пример и сегодня указывают каждому честному писателю, каждому честному интеллигенту, где его место в эти ответственные дни.

«Антифашистское движение, — писал М. Горький, — все более растущее в наши дни, должно признать Барбюса одним из первейших своих основоположников». Это признание становится с каждым годом все шире, и все больше становится число тех, кто идет путем Барбюса, чтобы раздавить гадину фашизма, чтобы бороться за освобождение трудящегося человечества, за справедливую и счастливую жизнь миллионов, за социализм.

А. РАГОЗИН

Издание, которое необходимо повторить

Однотомник Гоголя

Издание произведений Гоголя долго было совершенно неудовлетворительным. До революции, за исключением нескольких дорогих изданий, он издавался неряшливо и убого. И сейчас еще можно найти у букинистов старые, растрепанные однотомники, отпечатанные мелким шрифтом на плохой бумаге, с неизменно выпадающими вкладными иллюстрациями—по четыре картинки на листе. Гоголя всегда брали нарасхват, и издатели не утруждали себя излишними расходами на редактирование и оформление драгоценного текста.

Не было удовлетворительного издания Гоголя и после революции. Выходили в хороших изданиях и Плавт, и Овидий, и Лукиан, и сотни других авторов, нужных и ненужных, а Гоголь издавался кое-как, большей частью на плохой бумаге, с неудобочитаемым шрифтом и с плохими иллюстрациями. Академия наук обещала выпустить пятнадцатитомное собрание сочинений Гоголя, но пока не дала ни одного тома. Что же касается выпущенного недавно шеститомника, то его внешний вид таков, что о нем лучше совсем не говорить.

И вот неожиданно, без всякой предварительной рекламы и шумихи, советский читатель получил прекрасный подарок: в книжных магазинах появился детгизовский однотомник Гоголя. Это действительно подарок, и не только для детей и школьников... Мы нисколько не преувеличим, если скажем, что детгизовский Гоголь должен служить образцом для массовых изданий классиков в нашей стране.

Разумеется, однотомник, рассчитанный на школьников, не включает всех произведений Гоголя. «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород», «Мертвые души» и комедии даны целиком. Исключены лишь некоторые произведения из «Повестей», «Арабесок» и драматических отрывков. Нет «Невского проспекта», «Портрета», «Рима», «Утра чиновника», «Театрального раз'езда». Эти небольшие пробелы, вполне понятные в школьном издании, не коснулись основных произведений Гоголя. Благодаря этому однотомник весьма близок к полному собранию художественных произведений Гоголя.

Гоголевскому тексту предшествует большая статья редактора однотомника В. Гиппиуса—«Жизнь Гоголя». В конце книги имеются составленные им же комментарии к каждому произведению Гоголя и словарь непонятных слов и выражений. И наконец вся книга прекрасно иллюстрирована рисунками различных художников.

Комментарии В. Гиппиуса немногословны. Они дают сжатую историю каждого произведения и содержат краткие отзывы о нем в современной Гоголю прессе. В некоторых случаях рассказаны и цензурные мытарства Гоголя. В общей сложности комментарии занимают около 30 страниц. Быть может, следовало бы их еще несколько сжать, тем более, что многие приведенные в них детали содержатся и во вступительной статье.

Особо нужно остановиться на иллюстрациях. Помимо рисунков, непосредственно иллюстрирующих произведения Гоголя, в книге собраны репродукции со старых литографий и картин, изображающих украинскую жизнь. В некоторых случаях эти картины кажутся специально написанными для иллюстрации «Вечеров на хуторе».

Наибольший интерес представляют замечательные рисунки А. А. Агина к «Мертвым душам», сделанные в 40-х годах прошлого столетия. Ни самому Гоголю, ни его современникам рисунки Агина в подлинном виде не были известны. Обычно воспроизводились сделанные по его рисункам гравюры на дереве художника Бернардского. Эти гравюры воспроизводились и в советских изданиях «Мертвых душ». Гравюры Бернардского до неузнаваемости исказили рисунки Агина. Сделанные грубо и безвкусно, они искажали и замысел художника и образы Гоголя. Большая часть рисунков Агина, собранных в детгизовском однотомнике, воспроизводится в подлинном виде впервые.

Тщательно проверенный текст, комментарии, словарь, иллюстрации, бумага, шрифт,—все это сделано безукоризненно. Книга привлекает к себе, а не отталкивает, подобно некоторым неряшливым изданиям классиков. Любой школьник с радостью возьмет эту книгу в руки и не скоро оторвется от нее. Нельзя не пожалеть, что это прекрасное издание вышло совершенно недостаточным тиражом—всего 20 тысяч экземпляров.

Однако достоинства книги не могут заслонить и некоторых ее недостатков. Тем более, что все эти недостатки сконцентрировались во вступительной статье Гиппиуса «Жизнь Гоголя».

Биография Гоголя не столь динамична, и в ней гораздо меньше внешних драматических моментов, чем в биографии хотя бы Пушкина или Лермонтова. Если можно так выразиться, сюжетная линия биографии Гоголя лишена ярких житейских эпизодов и почти не выходит за рамки глубокого душевного процесса, превратившего, под конец жизни, гениального художника-реалиста, основоположника критического направления нашей литературы, в мистика и реакционера.

Гиппиус тщательно собрал все известные эпизоды и даже анекдоты из жизни Гоголя. Но главное внимание все же пришлось уделить анализу духовной эволюции Гоголя. И с этой задачей он не справился.

В свое время Гиппиус уже пытался разрешить противоречие между идеологией и творчеством Гоголя весьма неудачной формулой. Исходя из безжизненных схем вульгарной социологии, он утверждал, что в Гоголе «боролось отталкивание индивидуалиста от традиционной социально-бытовой почвы с притяжением к той же почве». Сейчас он отошел от этого вульгарного об'яснения, мало понятного как для детей, так и для взрослых. Но, отказавшись от прежнего неудачного об'яснения, он не смог противопоставить ему ничего, кроме нескольких наивных рассуждений.

«Другой русской средой (кроме художников.—А. Р.), с которой Гоголь сталкивался за границей,—рассказывает Гиппиус,—были богатые семьи, нередко из высшей знати, приезжавшие в Италию как свободные туристы. Тем из них, кто не чужд был литературному миру, было хорошо известно имя Гоголя, а многим знаком и сам Гоголь еще по Петербургу. И вот та среда, от которой в Петербурге Гоголь был довольно далек, теперь приближалась к нему сама и невольно влияла на него, втягивая в свою жизнь, прививая свои взгляды». Немного дальше Гиппиус поясняет: «Тем самым протянулась новая нить, связавшая Гоголя с высшим петербургским светом и в конечном счете—с официальной Россией».

Бесспорно, подобного об'яснения было бы достаточно, чтобы об'яснить изменение взглядов фрейлины Смирновой, или графа Вьельгорского, с которыми был дружен Гоголь. Если бы эти люди, встречаясь с Гоголем за границей, усвоили его взгляды и мировоззрение, в этом не было бы ничего удивительного. Но какой же школьник поверит, что гениальный писатель, отличавшийся необыкновенной способностью «угадывать людей», мог так легко и просто подчиниться влиянию окружавших его посредственных, недалеких людей!

Об'ясняя, почему Гоголь стал близок славянофилам, Гиппиус пишет: «Потребностью в дружеском сочувствии отчасти об'ясняется та сравнительная легкость, с какой Гоголь втянулся в кружок московских славянофилов». Но разве западники относились к Гоголю с меньшим дружеским сочувствием? Ведь писал же спустя несколько лет Белинский Гоголю: «Да, я любил вас, со всей страстью, с какою человек, кровно связанный с своей страною, может любить ее надежду, честь, славу, одного из великих вождей ее на пути сознания, развития, прогресса». Мы знаем, что так же относились к Гоголю и другие западники. Следовательно дело было не в дружеском сочувствии. Об'яснения Гиппиуса звучат слишком наивно даже для школьного издания.

Нужно отметить и некоторую неряшливость текста статьи Гиппиуса. Например, говоря о Белинском, он пишет: «Белинский в это самое время был накануне серьезного перелома во всех своих взглядах. В статьях своих этого времени он проповедывал «примирение с действительностью», доказывал, что все существующее — необходимо и разумно; оправдывал и самодержавие как «необходимое и разумное». И в то же время в письмах к друзьям он сознавался, что русская действительность приводит в отчаяние, что все в ней «грязно, мерзко, возмутительно, нечеловечески». У неискушенного читателя неизбежно создастся впечатление, будто Белинский был неискренен и писал статьи, противоречащие его убеждениям.

При всех этих, хотя и очень существенных, недочетах биография Гоголя, если и не раскрывает причин его духовной эволюции, то все же дает живое и понятно изложенное описание внешнего творческого пути писателя. Она заинтересовывает читателя и побуждает его читать и перечитывать Гоголя. Ее надо, исправив, сохранить в следующем издании однотомника. Чем скорее оно выйдет, — тем лучше!

Н. В. Гоголь. Избранные произведения. Редакция, вступительная статья и примечания В. Гиппиуса. Издательство детской литературы при ЦК ВЛКСМ, 1937 г. стр. 775, цена в переплете 12 руб.

Рассказы о Щорсе

Летом 1935 года комсомольцами московского Электрозавода им. В. В. Куйбышева был проведен большой поход по пути боев героической дивизии Щорса.

О том, что узнали комсомольцы во время своего похода, рассказывает автор выпускаемой «Молодой гвардией» книги о Щорсе начальник штаба похода С. Шапиро.

Книгу составляют рассказы: «У Ростовой», «Немецкие оккупанты», «По заданию повстанкома», «На родине Щорса», «За дело народное бьемся», «Среднев», «Встреча», «Бой под селом Семиполка», «Щорсовские артиллеристы», «Рассказ бывшего замкового Антона Сирож о наводчике Жуге», «Рыбак Алексеев», «Щорсовские питомцы», «Четвертый Нежинский», «Послание Петлюре», «Бой за Бердичев», «Коростень».

П. БАЛАШОВ

Поиски героизма в английской литературе

О романе Дж. Барка «Серьезная операция»

«Золотая жизнь в Англии утратила свой блеск».
Шон О'Кэйси.

Кто истинный герой нашего времени? Этот мучительный вопрос ставят перед собой многие буржуазные писатели современной Англии. Герои без героизма, опустошенные «полые люди» — вот творческое credo некоторых крупных английских поэтов. Поражает творческое бессилие этих поэтов, их неспособность создать образ героического и мужественного борца, человека сильной воли, ясного ума и могучих страстей. Галлерея бессильных, растерянных одиночек в современной английской литературе удручающе велика.

Разочарование в людях и жизни, ужас перед смертью, глубочайший пессимизм — основные мотивы поэзии католика и монархиста Т. С. Элиота, поэта самой махровой реакции.

Вновь и вновь обращается Элиот к образу отчаявшегося одиночки, к образу опустошенного человека, не видящего смысла в жизни:

Мы полые люди,
Трухой набитые люди,
И жмемся друг к другу.
Наш череп соломой хрустит...

(Из поэмы «Полые люди»
Пер. И. А. Кашкина)

Сближаясь с консерваторами и фашиствующими элементами, Элиот приходит к глубочайшему творческому кризису мысли и чувства. Певец «полых людей» в последние годы почти замолк. Откуда взяться героизму в литературе декаданса? Анархическое бунтарство — самая крайняя форма протеста в этой литературе. Но разве анархическое бунтарство — героизм? Подлинные люди и подлинный героизм возникают в условиях капитализма только там, где развертывается борьба народа с буржуазным обществом.

В Англии уже есть писатели, которые это понимают.

К теме героической борьбы масс приближаются иногда даже те из них, которые по своему мировоззрению далеко стоят от нее. В этом смысле очень любопытны искания известного английского романиста Дж. Б. Пристли, которого именуют в Англии веселым и занимательным рассказчиком-юмористом. Пристли — певец «белых воротничков» — громадной армии клерков, мелких агентов и т. п. Круг интересов его героев страшно ограничен и узок. Очередная картина с непременным участием «кинозвезды», детективный роман на сон грядущий — это самые высшие «идеалы» его «мелких людей». Ориентируясь на их запросы, Пристли выступал поставщиком легкого занимательного чтива. Авантюрно-приключенческий жанр он противопоставлял психологическому и реалистическому роману, видя в нем возможности «уйти от действительности». Но и этот веселый рассказчик начинает во всеуслышание заявлять, что далеко не все благополучно в старой веселой Англии.

В годы кризиса, когда Пристли подошел к теме нищеты средних слоев, на страницах его романов и очерков зазвучали мотивы отчаяния; в качестве героя он избирает трагическую и знакомую нам фигуру одинокого, раздавленного капитализмом человека. Пристли призывает к гуманности, к состраданию, но его филантропические призывы буржуазного либерала остаются «гласом вопиющего в пустыне». Замершие города и вереницы безработных в очерках «Путешествие по Англии», нарушенное спокойствие в «Мостовой ангела», издевательства бандитов пера, страданья и зачатки борьбы безработных в сенсационном романе «Чудо-герой», крах мелкой фирмы и унижения безработных в пьесе «Корнелий» — все эти картины из жизни современной Англии нарисованы с человеческим сочувствием к обездоленному «мелкому люду».

От ограниченного довольства былых героев Пристли почти ничего не осталось. Специалисты, ученые голодают. Спасите, цивилизация гибнет! — таков новый мотив произведений Пристли. «Все изменилось. Дважды два не четыре, а пять. Бог знает, как я недоволен этой системой» — восклицает теперь один из героев Пристли. «Так жить нельзя. Это не реальная жизнь. Надо жить так, как живут в СССР, где люди свободно могут творить и работать» — эти высказывания героев романа «Чудо-герой» свидетельствуют о том, что писатель начал серьезно задумываться над судьбами человечества.

В своих высказываниях о СССР Пристли высоко оценивает достижения советской демократии. Правда, мы не должны переоценивать степень понимания им проблем борьбы за социализм. Он пытается приблизиться к теме героической борьбы масс и пробует даже нарисовать образ коммуниста Кибворта, организующего борьбу безработных. Но его Кибворт не революционер, не герой, а схема, написанная не без влияния обывательских представлений о коммунистах. Его «Чудо-герой», мелкий служащий Хэбл, ставший жертвой буржуазной прессы, страдает, выбит из колеи, но он, как и сам Пристли, еще не изжил обманчивых иллюзий, он надеется, что рано или поздно нарушенное равновесие восстановится и жизнь потечет попрежнему ровно и гладко. Поэтому тема страданий «мелкого человека» так и не переросла у Пристли в тему героической борьбы масс.

Капитализм — социальное зло; он калечит, уродует человека, — этот мотив классиков критического реализма возрождается вновь и с различной степенью силы звучит у английских писателей, которые задумываются над судьбами английского народа. Не все они последовательны в логическом развитии этой бесспорной и горькой истины. Некоторые застревают на полпути, иные обращаются вспять, сбиваются на ложные пути религиозно-мистических исканий (Шон О'Кэйси), бескрылого примирения с жизнью (Уолтер Гринвуд). Но как бы то ни было, тема страданий масс наиболее сильно начинает выделяться в их произведениях, приобретающих социальную значимость и антикапиталистическую направленность. И, что наиболее важно, тема страданий масс начинает сближаться с новой гигантской темой современности, темой героической борьбы масс против капиталистической системы. Пути и подступы к этой ведущей теме современности в английской литературе очень сложны и многообразны.

Так, в «Сером граните» (1934) Льюиса Грэсика Джиббона в центре внимания писателя — путь молодого человека к коммунизму. Путь сложный и мучительный. Процесс формирования человека-борца, революционера — большая и сложная тема. Роман Льюиса Грэсика Джиббона — это только начало, но очень характерное и своеобразное. Писатель лаконичен и выразителен. Он еще во власти старой формы. Его роман состоит из разорванных, быстро сменяющих друг друга эпизодов. Фон романа — мещанское болото провинциального городка, дикие сплетни, насмешки над «красными». Но кризис и безработица вносят новое. Разгорается классовая борьба. Готовятся голодные походы безработных. В этой сгущенной атмосфере выковываются новые люди с твердым характером, с сильной волей и ясным пониманием цели. Освободившись от рутины мещанских привычек, столкнувшись лицом к лицу с полицией, узнав «прелести» английской тюрьмы, приобщась к борьбе безработных, юный герой романа становится убежденным революционером. «Серый гранит» проникнут пафосом героической борьбы; этот роман — отрадное явление английской литературы.

Недавно опубликованный роман «Серьезная операция» Джеймса Барка был оценен английской левой критикой как одно из крупнейших революционных произведений Англии за последнее время. Старая избитая тема об отчаявшемся, мечущемся одиночке по-новому оживает в романе, звучит свежо, молодо и выразительно. Эта старая тема находит здесь дальнейшее развитие, даже в новом неожиданном свете. В обширной галлерее бессильных и отчаявшихся появляется фигура «блудного сына», который не только разочаровывается в идеалах, философии, морали своего паразитического класса, но после мучительных раздумий, колебаний старается обрести новую веру, приобщиться к тем, кто твердо знает, куда итти, как итти и бороться.

К этим «блудным сынам» принадлежит Джордж Андерсон из города Глазго — герой романа «Серьезная операция». В период просперити Джордж Андерсон и подобные ему были относительно спокойны. Кризис пустил Андерсона ко дну — он разорился. Он изведал горечь личной неудачи, — когда он стал нищим, жена покинула его, бежав с «другом дома». Это — «обычная история», тысячу один раз перепевалась она на страницах буржуазных романов, и если бы Джеймс Барк ограничился изложением ее, то его роман ничем бы не выделялся из серии скучных и пошлых романов. Этого не случилось. Художник пошел дальше; он провел измученного неудачника через все испытания, какие только возможны для человека, очутившегося без копейки денег. Покинутый всеми, Джордж Андерсон тяжело заболел и попал в больницу. Здесь он увидел, как умирают люди и как они борются за жизнь. Здесь он впервые всерьез задумался о смысле своей жизни, вернее о бессмысленной жизни своей и других лиц, занятых одной мыслью — наживать, спекулировать, наживать. Впервые он почувствовал ужас и отчаяние, которое могло завершиться катастрофой, если бы своевременно не пришло на помощь ласковое и человеческое участие безработного и вождя безработных коммуниста Мак-Кельви, попавшего на больничную койку.

Мак-Кельви видел смятенье и трагическое одиночество Джорджа Андерсона и попытался ему помочь. Горечь и обида за себя, за свой мир, с которым было не легко расставаться, закипали в груди неудачника; чем больше он спорил с Мак-Кельви, тем беспомощнее чувствовал себя. Он внутренне должен был признать, что по ясности взглядов, логике мысли, твердости убеждений коммунист Мак-Кельви на много голов выше его. Совершенно иной мир понятий, мир идей стал постепенно открываться перед его умственным взором. Если раньше коммунисты представлялись ему слепыми доктринерами, то теперь он в лице Мак-Кельви обрел чуткого и обаятельного товарища, человека ясной и четкой ориентировки, твердой веры в дело революции, жизнерадостного оптимиста, несмотря на тяготы и невзгоды жизни. Так, в этой коллизии, в этом столкновении двух миров, двух мировоззрений естественно намечается переход униженного человека к людям, за которыми стоит будущее. Мак-Кельви удалось проделать «серьезную операцию». Джеймс Барк не упростил проблемы. Он ярко показал, как мучительно даются Джорджу Андерсону первые шаги в сторону пролетариата.

Безработный Мак-Кельви рисуется в романе как в высшей степени гуманный человек. Его гуманизм не противоречит его революционной практике, его яростной борьбе с буржуазией, как классом. Мак-Кельви глубоко ненавидит фашизм. Он серьезно готовит широкие массы к борьбе с капитализмом. Он стоит во главе безработных, героически борющихся за свое право на жизнь. Во время голодного похода Мак-Кельви в стычке с полицией едва не погиб: его спас Джордж Андерсон, бросившийся навстречу лошади полицейского и погибший смертью героя, выручая друга.

История отношений Мак-Кельви и Джорджа Андерсона трогательна, но не сентиментальна. Это история зарождения подлинного гуманизма, основанного на понимании необходимости революционного преобразования мира. Джеймс Барк, как и ряд других английских писателей, подходит к теме героической борьбы масс. В центре его внимания—характер человека-борца. Образ коммуниста Мак-Кельви не схема. Мы видим его в различных планах. Вот он страстно изучает революционную теорию, вот он с жаром отдается героической революционной борьбе. Мы его видим не только в пылу политической борьбы, но и в быту, в семье, среди друзей и товарищей. Мак-Кельви — яркий образ героя-революционера, способного мужественно бороться за лучшие идеалы человечества.

Роман «Серьезная операция» в взволнованной, патетической форме развивает идею активной революционной борьбы с одряхлевшим миром. Нужна «серьезная операция», и человечество будет счастливо — таков аллегорический смысл романа, ставящего волнующие политические, социальные и философские проблемы. Роман направлен против сектантства, против недооценки союзников в борьбе с фашистской угрозой и реакцией.

Джеймс Барк напряженно ищет свой стиль. Эти поиски ему нужно продолжать, ибо стиль романа еще очень неровен. Писатель не освободился от влияния экспрессионизма, особенно это чувствуется в первых главах, где Джеймс Барк хочет изобразить «поточность» явлений, хаос капиталистического города.

Новая тема героической борьбы масс еще только начинает осваиваться английской литературой. Писатели иногда прибегают к публицистике там, где следовало бы дать художественное раскрытие образа. Но это болезнь роста и «Серьезная операция» тому яркое доказательство.

James Barke. Major Operation. Collins. Forty-Eight Pall Mall. London. 1936.

Трибуна читателя

Ленинграду нужен музей М. Горького

Наша страна хранит память о Максиме Горьком. Осенью этого года в Москве будет открыт музей, посвященный жизни и деятельности великого писателя.

В Горьком идет напряженная подготовительная работа над организацией музея М. Горького. Хранит память о Горьком г. Куйбышев и Арзамас.

Но есть еще один город, который вправе гордиться тем, что самые замечательные страницы жизни М. Горького связаны именно с этим городом.

Мы говорим о Ленинграде.

В этом городе Горький вел революционную работу. Здесь, в Петербурге, в 1905 г. М. Горький был арестован, познакомился с Лениным, участвовал на заседании ЦК большевиков и был посажен в Петропавловскую крепость. Здесь он ходил на подпольные собрания кружков рабочих поэтов и учил их художественному мастерству.

В Петербурге в 1895 г. был напечатан знаменитый рассказ «Челкаш», в 1898 г. вышли первые книги очерков и рассказов Горького, ставились на сцене его первые пьесы.

В Петербурге Алексей Максимович принял живейшее участие в организации издательства «Знание», а затем руководил им более 10 лет. Это издательство под непосредственным руководством М. Горького выпустило сотни книг в сотнях тысяч экземпляров. Здесь же он издавал газету «Новая жизнь» (1905 г.), в которой принимал участие В. И. Ленин. В Петербурге впервые был напечатан роман М. Горького «Мать», затем конфискованный царским правительством.

Очевидно, нет нужды перечислять все то, что М. Горький делал в Ленинграде за годы революции. Достаточно вспомнить, что не было журнала, который не получал бы от него указаний и помощи, не было писателя, который так или иначе не был связан с Алексеем Максимовичем.

В Ленинграде должен быть организован музей, где в документах, в бытовых вещах, в картинах, в наглядном изобразительном материале будет представлена жизнь и деятельность М. Горького, особенно в бытность его в Ленинграде.

Но об организации этого музея никто не думает. А время идет, вещи и документы теряются.

Социалистический народ нашей страны, история социалистической культуры не простят нам, современникам Горького, если мы утеряем какие-либо свидетельства о его жизни.

В Ленинграде должен быть построен специальный дом-музей М. Горького, являющийся по своей архитектуре памятником социалистического зодчества, достойным памяти нашего национального гения. Но постройка такого дома потребует долгого срока. Необходимо сейчас же использовать здания, имеющие мемориальное значение.

Дом № 20 на ул. Восстания, где помещалось издательство «Знание», где в 1905 г. было заседание ЦК большевиков с участием В. И. Ленина и М. Горького и где М. Горьким написан ряд произведений, в том числе «Человек», — вполне может быть использован для этой цели.

Удобен для размещения музея дом на Моховой, где теперь находится отдел Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина. В этом доме помещалось издательство «Всемирная литература», руководимое М. Горьким.

В. ГОЛУБЕВ

Директор Государственного пушкинского заповедника Академии Наук СССР

ОТ РЕДАКЦИИ.

Горьковский музей в Ленинграде, как мы узнали, может быть также организован в б. квартире М. Горького на Кронверкском проспекте, в доме № 23, где Алексей Максимович жил в годы империалистической войны. У владельца квартиры почти целиком сохранилась обстановка, бывшая в пользовании А. М. Горького.

Скоро на экранах Москвы появится первый художественный звуковой фильм—шутка для детей младшего возраста **«Веселые путешественники»**. (Производство киностудии «Союздетфильм»). Режиссер А. Мазур. Оператор Б. Козлов). На снимке: **кадр из фильма. Таня (Нина Стравинская) и ее старший брат Сережа (Коля Скворцов)**

Трибуна читателя

В пушкинском заповеднике

Все шире становится «народная тропа» в места, связанные с жизнью и творчеством А. С. Пушкина. Несмолкающие, звонкие голоса экскурсантов сливаются с криками цапель, с мелодическим постукиванием дятлов в ветвях вековых елей и сосен. Птицы держат здесь себя свободно — охота категорически воспрещена.

В июне заповедник посетило более 5000 человек, столько же, сколько за весь 1935 год. В прошлом году здесь побывало всего 10.000 человек.

Постановлением Калининского облисполкома территория заповедника значительно увеличена, к ней присоединено Петровское (б. вотчина Ганнибалов), деревня Савкино, которую поэт очень любил, и городище Воронич, с которым связана была работа Пушкина над «Борисом Годуновым».

Постепенно заповедник приобретает подлинно пушкинский колорит.

Засаживаются сосной площадки, при Пушкине покрытые лесом, расчищаются заросшие дорожки, запущенные пруды. Реставрирован «Остров уединения» в Михайловском парке.

Особым составом заливаются дупла старых деревьев в «Аллее Керн» и в рощах.

В Михайловском на месте старого пушкинского дома выстроен новый. В пяти комнатах его развернута выставка на тему: «Жизнь и творчество А. С. Пушкина».

Реставрируется замечательный памятник русского зодчества XVI в. б. Успенский собор, у подножия которого находится могила поэта.

Сделано как будто много, но сделать предстоит еще больше.

Требуется, например, немедленно укрепить «могильный холм», что-то нужно предпринять для сохранения быстро оползающего городища Воронич с могилами П. А. Осиповой и А. Н. Вульфа.

Нужно упорядочить работу экскурсионной базы в Воронине, мало дающей приезжающим, но берущей с них... 21 р. в день.

В «библиотечке» заповедника почти нет литературы о Пушкине, мало произведений самого Пушкина.

Справедливые нарекания вызывает и то, что заповедник до сих пор не удосужился издать серию пушкинских открыток. Экскурсанты вынуждены покупать фотоснимки по 1 р. 25 к. за экземпляр.

К. ИЕРОПОЛЬСКИЙ

Торопец, Калининской области

Литературная Украина

(От нашего киевского корреспондента)

Выходит из печати сборник болгарского фольклора. В сборнике — песни о Ленине и Сталине, о Сталинской Конституции, о Красной Армии, о родине, песни о зажиточной колхозной жизни.

В сборник включены также болгарские пословицы и поговорки.

★

В переводе болгарского советского поэта Кюлявского выходит сборник произведений Владимира Маяковского.

Украинское издательство «Мистецтво» выпускает сборник «Молдавская народная песня», в который вошло свыше 100 песен.

★

Совнарком Молдавской АССР об'явил **конкурс на лучшую пьесу, рассказ, поэму и песню, посвященную современной Молдавии.** Участники конкурса могут писать на любом языке, на котором они пожелают. Установлены три премии: в 5.000, 2.500 и 1.500 рублей. Жюри конкурса принимает рукописи до 1 ноября 1937 г.

Писатель и его аудитория

Очень часто писатели забывают, что их произведения критикуются не только в газетах и журналах. Их критики — весь многомиллионный Советский Союз.

У нас не два, не три, не четыре десятка критиков, а сотни тысяч— столько, сколько человек вдумчиво читало роман, повесть, драму и т. п.

Читатель, большей частью, лично с писателем незнаком, но он хорошо знает его произведения и заботливо следит за его творчеством.

Наш читатель реагирует на каждое произведение сотнями и тысячами писем и откликов. Критика читателя зачастую оказывается более проницательной, чем критика профессионалов.

Произведение Борна «Единственный и Гестапо» наша критика приняла восторженно. Профессиональные критики из «Литературного обозрения» и «Комсомольской правды» не разглядели враждебности этого произведения. Эта гнусная книжонка была так расхвалена, что издательства соревновались, кто скорее ее выпустит.

В то время, когда в «Молодой гвардии» верстали эту враждебную книгу, когда «Роман-газета» спешно набирала это произведение, рядовой библиотечный работник сигнализировал о враждебности этой книги. Это было на вечере-встрече редакции журнала «Литературное обозрение» с работниками московских библиотек. Представительница читателей Трехгорной мануфактуры т. Бекман выступила и заявила:

«Я недовольна рецензией на книгу «Единственный и Гестапо»... В этой книге есть вредная проповедь индивидуализма... Эта книга может оказать... определенно отрицательное влияние. Я была свидетелем такого случая, когда человек прочитал «Единственный и Гестапо» и спросил — нет ли у меня Ницше...

В этой книге есть какая-то зараза».

Кто сделал из этого выступления какой-либо вывод? Никто!

Это не единичный случай. В журнале «Новый мир» еще не было закончено печатание романа «Миша Курбатов» И. Макарова, как студент-медик Ф. Семикин из Иванова сигнализировал, что роман этот вреден.

«Прочел книгу с негодованием,— пишет он в своем отзыве.—Не будет ли она служить козырем в руках классового врага? Нет ли здесь возможностей научиться классовому врагу маскироваться, а при возможности и всадить в спину нож?

Макаров поучает... Именно они— классовые враги—могут учиться на его книге, как надо действовать. Остаюсь при этом убеждении».

На полках в Гослитиздате лежат две об'емистые папки с письмами о произведениях «Белеет парус одинокий» В. Катаева и «Кочубей» Первенцева. Это отклики рабочих, врачей, педагогов, инвалидов-пенсионеров, бойцов ОКДВА, работников политотделов, служащих, колхозников... Все они горячо приняли эти два прекрасных произведения. Искренним пафосом проникнуто письмо бойца ОКДВА Л. Павленко о романе «Кочубей» Первенцева.

«Багряное знамя, пронесенное в боях гражданской войны Кочубеем, Михайловым, Наливайко, — пишет Л. Павленко,—переданное нам партизанским сыном Володькой, мы крепко держим в руках.

Когда после боя в бригаде не стало т. Кандыбина, на его пост стал т. Латыш. Когда сраженный пулей белобандита геройски погиб Иван Ладога, на его пограничный пост стал его же брат».

Наш читатель оценивает исторические события в свете сегодняшней радостной действительности.

Не менее радостно и горячо встретили читатели книгу «Белеет парус одинокий». Сотни читателей детально и добросовестно разбирают это произведение. Но, поздравляя автора с успехом, читатели напоминают, что писатель еще «недооценивает значения слова как основного материала литературы». Читатель требует четкости образов, особо тщательного отбора слов, шлифовки каждой фразы.

Работник одного из мясосовхозов Восточного Казахстана т. Марин пишет, что произведение В. Катаева «Белеет парус одинокий» замечательная вещь, но тем досаднее в ней неряшливости. «Заспанная кухарка... выколачивала из самовара о порог вчерашние угли». Кто имел когда-либо дело с самоваром, не поверит, что угли из самовара выколачиваются о порог», — резонно замечает читатель.

Он же указывает, что подковы по мостовым не хлопают, а цокают, и т. д.

Особенно много отзывов вызвала книга Павленко «На Востоке». Со всех концов Советского Союза пришли десятки, сотни писем, посвященных разбору этого произведения. И здесь нашей критике и писателю есть что почитать, над чем подумать.

Бойцы ОКДВА в один голос заявляют о серьезных ошибках в описании наших укрепленных районов и самого боя. В одном месте книги сказано, что все знали о готовящемся налете, а когда враги напали на Георгиевку, оказалось, что население к этому не было готово. «Отовсюду слышались стоны раненых, бежали обезумевшие, окровавленные дети...»

Знает ли об этих письмах писатель?

Тысячи читательских писем—ценнейшие указания для издателей и писателей—лежат мертвым грузом в шкафах издательств.

Писатель разобщен со своим основным потребителем. Этому надо положить конец.

В это дело должен вмешаться союз советских писателей и использовать ценнейший материал.

Н. ЯКОВЛЕВ.

«...Настала глубокая тишина, и секретарь звонким голосом стал читать определение суда».

Издательство «Academia» выпускает повесть **А. С. Пушкина «Дубровский»** с иллюстрациями художника **М. Горшмана**

«... Ну вот же вам ваши деньги, отправляйтесь назад».

Издательство «Academia» выпускает повесть **А. С. Пушкина «Дубровский»** с иллюстрациями художника **М. Горшмана**

В. ПЕРЦОВ

«ОКНА РОСТА» МАЯКОВСКОГО

«Подписей — второе собрание сочинений» — так говорил Маяковский о своей работе над текстами «Окон сатиры Роста». Действительно, это была громадная работа, которая сохранилась далеко не полностью. Да она и не была рассчитана на то, чтобы сохраниться для потомства.

«Окна Роста — фантастическая вещь, — писал Маяковский в статье «Только не воспоминания». Это— обслуживание горстью художников, вручную, стапятидесятимиллионного народища. Это — телеграфные вести, моментально переделанные в плакат, это декреты, сейчас же распубликованные частушкой.

Это те плакаты, которые перед боем смотрели красноармейцы, идущие в атаку не с молитвой, а с распевом частушек».

Такие плакаты с подписями вывешивались в пустых витринах магазинов эпохи военного коммунизма. Размножаемые при помощи картонных трафаретов во все большем количестве экземпляров и вывешиваемые не только в окнах магазинов, но и на вокзалах, в агитпунктах, эти произведения гражданской живописи и поэзии являются характернейшими документами той эпохи.

Подписи под «Окнами сатиры», сделанные Маяковским в огромном количестве, относятся к той части работы поэта, о которой он сказал:

умри мой стих,
умри, как рядовой,
как безымянные
на штурмах мерли
наши.
(«Во весь голос», 1930).

Самоотверженная работа Маяковского в поэзии, плодом которой являлись стихи «готовые и к смерти и к бессмертной славе», давала ему право сравнивать свои художественные дела и подвиги с героизмом рядовых красноармейцев. В то время очень небольшому кругу лиц было известно, что повседневные подписи для «Окон сатиры» принадлежали перу Маяковского.

Стихи Маяковского вывешивались безымянные, без подписи. Печатались в газетах профсоюзов, например, в «Гудке» — органе железнодорожников, вдали от внимания литературной критики, от завистливой оценки завсегдатаев литературных кафе. Об'ем этого «второго собрания сочинений» сам поэт впоследствии в своей автобиографии определял так:

«Дни и ночи Роста. Наступают всяческие Деникины. Пишу и рисую. Сделал тысячи три плакатов и тысяч шесть подписей».

Вне этого героического «второго собрания сочинений» нельзя понять путь роста Маяковского, как мастера и как поэта социалистической революции. Задача критики— говорил Белинский — «состоит совсем не в том, чтоб решить, почему Гете жил и писал не так, как жил и писал Шиллер, но в том, почему Гете жил и писал, как Гете, а не как кто-нибудь другой». Эти слова должны стать руководством для всякого, кто хочет разобраться в развитии Маяковского. Второе и первое собрания сочинений Маяковского, взятые вместе, показывают во весь рост эту удивительную фигуру.

Перечитывая сейчас сохранившиеся тексты Маяковского к «Окнам Роста», всматриваясь в рисованные им комичные фигуры буржуев и белогвардейцев, низвергаемых подтянутыми красноармейцами, рабочими и крестьянами, исполненными боевого духа, — на таких призывал равняться всех трудящихся неугомонный автор плакатов, — вглядываясь в смешные, и замечательно действенные графические олицетворения холода, голода, разрухи, воочию убеждаешься в исключительном уважении к поставленной задаче, в пафосе и идейности, с какими выполнял поэт свою незаметную, громадной важности работу социалистического просветителя.

Спокойно, без всякой аффектации взялся Маяковский за работу пропагандиста; замечательный мастер стиха превратился в чуткого ученика партии, на всякий запрос ее рождавшего отклик в поэтической форме, доступной пониманию миллионов. Известно, что впоследствии Маяковский считал свою работу в Роста работой, «очищавшей наш язык от поэтической шелухи — на темах, не допускающих многословия». Это самонаблюдение, конечно, чрезвычайно значительно, но неправильно было бы думать, что, делая свою работу в Роста, Маяковский уже в то время относился к ней, как к своего рода гаммам, которые понадобятся ему для того, чтоб создать потом симфонии революции — «Ленин» и «Хорошо!» Нет, с таким заблаговременно-расчетливым подходом не создаются революционные симфонии, да и гаммы не разучиваются в обстановке, о которой Маяковский вспоминал так:

«...отдыхов не было. Работали в огромной нетопленной, сводящей морозом (впоследствии — выедающая глаза дымом буржуйки) мастерской Роста.

Придя домой, рисовал опять, а в случае особой срочности клал под голову, ложась спать, полено вместо подушки с тем расчетом, что на полене особенно не заспишься...» Вот какой расчет, действительно, был у Маяковского, но это, как видит читатель, очень далеко и от гамм, и от мыслей о будущей симфонии. Несомненно одно, что Маяковский был увлечен своей работой, считал ее принципиально поэтической, верил в ее необходимость для революции. Исполняя свою работу поэта-пропагандиста, он отбрасывал всякую литературно-групповую догму, и одно желание — довести средствами искусства мысль партии до масс — руководило им.

Он часто обращался к старым, привычным ходовым мотивам и ритмам, облагораживая штампы и перерождая великим содержанием своей агитации, казалось бы, безнадежно стершиеся традиционные куплеты старинных романсов. Охотно и любовно пользовался формой популярных в народе песен.

Шел на Русь да не ухарь
купец
Маршал пан — удалой боец.

— начинает он свою язвительную пародию «Старый мотив».

Своего рода рекордом использования Маяковским старой формы с новыми целями явилась «Советская азбука», написанная в 1919 году. Существовала до революции и имела широкое хождение анекдотическая азбука, которую передавали друг другу в казармах и гимназиях от одного поколения к другому. И вот из под пера Маяковского вышла новая советская азбука, сыгравшая роль боевой политической сатиры. Об этой азбуке поэт вспоминал в речи на открытии своей выставки в Доме комсомола Красной Пресни 25 марта 1930 года:

«Она (азбука) была написана для армейского употребления. Там были такие остроты, которые для салонов не очень годятся, но для окопов шли очень хорошо. Например:

Вильсон важнее прочей птицы.
Воткнуть перо бы в ягодицы
и т. д.»

Демократический, плебейский характер этой работы радовал Маяковского, ведь он давно ненавидел буржуазных эстетов, презирал правила «хорошего тона» в литературе, ограничивавшие действие поэзии кругом так называемой «чистой публики». Об Игоре Северянине он писал в поэме 1915 года:

Как вы смеете называться
поэтом,
И, серенький, чирикать как
перепел!

Но раньше, до революции, он стремился иногда быть нарочито грубым, чтобы позлить или, как он выражался, «эпатировать» буржуа. А теперь он черпал простонародные слова и обороты улицы, толпы, митинга, чтобы быть понятым массой, и возвращал ей собственный ее язык, переработанный и отшлифованный. Его гордостью стало сочиненное им знаменитое двустишие, которое распевали красноармейцы при штурме Зимнего дворца.

Вот как он говорил об этом в 1927 году:

«Когда-то в насквозь прокуренном кафе я обронил такие строчки:

Ешь ананасы, рябчиков жуй,
День твой последний приходит,
буржуй.

Этих стихов нет ни в одной из моих книжек. Но недавно я узнал из воспоминаний, напечатанных в «Ленинградской правде», что с этими строками красноармейцы шли на взятие Зимнего дворца. И этим отрывком я теперь горжусь больше, чем 60-тью тысячами напечатанных мною строк».

Тексты «Окон Роста» были каждодневной, рядовой работой поэта, исполняемой им по заданию. Каждый день получал он определенный политический материал, лозунг, цитату из речи Ленина, факты и цифры и с величайшей добросовестностью облекал их в поэтическую, остро-врезавшуюся в память форму. Он вкладывал всего себя в это дело, отдавая ему ту же лучшую «звонкую силу» своего дарования, какая требовалась для создания его революционных поэм. Среди рядовой квалифицированной работы часты были находки поэтического остроумия. В декабре 1919 года он писал в «Окнах Роста» —

Утешение буржую.

Буржуазия нас за год скрутить
думала.
Да, видите ли цифра месяцев,
оказывается,
в году мала.
Радуйтесь буржуи — хорошие
вести —
В этом году ожидается месяцев
двести.

Или в ноябре 1920 года после разгрома Врангеля —

Антанта признавала Юденича,
Антанта признавала Деникина,
Антанта признавала Врангеля,
Теперь ничего не осталось,
знать, —
Кроме как дурой себя признать!

В соединении с рисунком такая подпись отлично делала свое дело, Маяковский видел это и переживал высокое удовлетворение мастера.

В ноябре того же 1920 года, когда уже близок был переход от фронта кровавого к фронту бескровному, Маяковский выражает пафос новой исторической эпохи в подписи к рисунку. Не барабан иронии, а патетическая медь труб звучит в этом обращении к красному командиру — победителю в гражданской войне, которого Маяковский уважительно именует «офицером»:

1. Офицер! Смотри на эту саблю:
она,
2. прежде чем врагов рубить,
3. должна быть произведена.
4. Не думай поэтому, что все—
в ней,
5. половина победы — в производстве.
Не отрывайся от фабрик.
В мирное время молот держать
умей!

Работа над агитационным стихом действительно очищала язык от поэтической шелухи, но в то же время она была для Маяковского политической школой. Это была самостоятельная и полноценная идейная работа без скаредной задней мысли о том, что она пригодится для «симфонии». Это была работа черновая, срочная, не терпящая отлагательства, не всегда приятная, но всегда осмысленная своей нужностью, работа, исключавшая капризы вдохновения и вдохновлявшая своей неотложной целеустремленностью, работа требовательная и причинявшая беспокойство своей прямой ответственностью перед массой, перед партией.

Таково «второе собрание сочинений» Маяковского, которого нужно уважать не только за его поэтические удачи, но и за рядовые стихи, умиравшие вместе со сменой «окна Роста».

Вряд ли мы ошибемся, если это «второе собрание» пополним, например, рядом антирелигиозных басен, с которыми Маяковский обращался, главным образом, к крестьянину. Эти басни написаны были по заданию одного из советских учреждений, некоторые из них печатались в бюллетене Прессбюро ЦК РКП(б) в 1922 году и перепечатывались в местных крестьянских газетах. Задание пришлось Маяковскому, видимо, очень по сердцу, у поэта были давние счеты с богом. Маяковский очень серьезно и обстоятельно, с замечательно доходчивой издевкой над бессмысленностью религиозных предрассудков разобрал ряд случаев из крестьянской жизни, когда привычное, испокон веков установленное обращение к богу, к попам приносило прямой вред и разумным отношениям людей, и их здоровью, и хозяйству. Как и в подписях к «Окнам Роста», в этих баснях обращают на себя внимание отсутствие суетливости, спокойствие, юмор и деловитость Маяковского-агитатора. Очень рассудительно, применяясь к уровню собеседника, но ни в чем не подлаживаясь к нему, терпеливо проводит поэт свою раз'яснительную работу. Вот названия этой серии басен, среди которых есть шедевры, могущие соперничать с лучшими образцами этого жанра:

«Кому и на какой ляд целовальный обряд»,
«Крестить это только попам рубли скрести»,
«Крестьяне, собственной выгоды ради, поймите — дело не в обряде».
«От поминок и от панихид у одних попов довольный вид»,
«От примет кроме вреда ничего нет».

Это по части обрядов.

Другая группа басен идет под девизом: «Ни знахарь, ни бог, ни ангелы бога — крестьянству не подмога». И опять Маяковский методически гвоздит в одну точку —

«Прошение на имя бога — в засуху не подмога».
«Ни знахарство, ни благодать бога — в болезни не подмога».
«Товарищи крестьяне, вдумайтесь раз хоть — зачем крестьянину справлять пасху» и т. д.
и т. п.

Последняя басня — произведение огромной силы, слова, разоблачающие злую сказку о боге, заставляют вспомнить соответствующие места из трагедии «Владимир Маяковский» и «Флейты позвоночник». Эта басня своего рода бытовой вариант дореволюционных поэм Маяковского, получивший конкретного адресата и политическую точку опоры.

Медлительные издатели и редакторы

В декабре текущего года грузинский народ и вся советская страна отмечают знаменательную дату — **750-летие со дня рождения Шота Руставели.**

Большое участие в подготовке к юбилею и его проведению должны принять наши литературно-художественные издательства и в частности Гослитиздат. Советский читатель вполне законно рассчитывает получить в юбилейные дни от Гослитиздата новые издания бессмертной поэмы Руставели, книги о жизненном и творческом пути автора «Витязя в тигровой шкуре».

Оправдаются ли читательские надежды?

Ответ, полученный нами на этот вопрос от заведующего сектором классиков Гослитиздата **т. Войтик,** заставляет бить тревогу.

Издательство выпускает к юбилею два новых перевода поэмы (Цагарели и Петренко) и два литературно-биографических очерка о Шота Руставели (авторы — Сванидзе и Дандуров).

До сего времени ни одна из этих книг не поступила в производство.

Особенно плохо обстоит дело с изданием биографии Руставели. Авторы Сванидзе и Дандуров сдали рукописи еще в начале 1937 г. Несколько месяцев они лежали без движения. В начале лета гослитиздатовцы спохватились и в спешном порядке отдали биографические очерки на обработку редакторам.

Редактировать очерк Дандурова взялся т. Аршаруни. Он обещал вернуть рукопись в середине июля. Но прошел июль, проходит август, а рукопись все еще находится у т. Аршаруни.

Такова же история и с работой Сванидзе. Рукопись была отдана на просмотр и обработку редактору Гослитиздата т. Егорашвили. Срок сдачи биографии — 15 июня. 1 августа т. Егорашвили, не сдав рукописи, уехал в отпуск.

Завсектором т. Войтик возмущается редакторской безответственностью. Но и только. Никаких мер для своевременного выпуска юбилейных книг издательство не принимает. Товарищ Войтик не знает, в каком состоянии находятся у редакторов рукописи, много ли им еще осталось работать.

Книги о великом грузинском классике, творце бессмертного произведения, должны быть выпущены в срок.

В. ЛОБ.

Фольклор народов СССР

Республиканские, краевые и областные издательства художественной литературы выпускают в этом году многочисленные сборники устного творчества народов СССР.

Западно-Сибирское издательство выпустило интересную книгу — «Сказки Алтая».

Сборник дореволюционных и послеоктябрьских песен, сказок и пословиц Южного Урала выходит в Челябинске.

«Легенды и сказки народов Коми» выпускает Северное краевое издательство.

Сборник легенд и преданий о Чапаеве издается в Куйбышеве.

Иркутское издательство готовит к печати «Легенды о декабристах» — рассказы таежных крестьян и охотников о сосланных в Сибирь декабристах.

Сборники русских народных сказок выходят в г. Горьком и Свердловске.

Кроме названных книг в этом году в краях и областях будут выпущены: «Сборник фольклора текстильных фабрик Ивановской области», «Сборник частушек и песен Кировского края», «Былины и песни Горьковской области», «Фольклор Ярославской области», «Волга в песнях и сказаниях», «Фольклор Саратовского края», «Легенды о Чингиз-хане», «Восточная Сибирь в фольклоре», «Сибирские песни», «Фольклор Красноярского края», «Смоленские сказки» и сборник «Образцы устного творчества народов Омской области», в который включены песни, пословицы и былины четырнадцати национальностей — хентэ, манси, ненцев, коми, черемисов, казахов и т. д.

Дагестанское государственное издательство выпускает сборник дагестанских народных песен о Ленине и Сталине. В сборник войдет около 50 песен.

Укрепленный город Каджет неприступней с каждым годом,
На скале несокрушимой—твердокаменный оплот—
Высится могучий замок, путь к нему подземным ходом,
В башне дева и, как солнце, яркое сиянье льет.

Соберемся в круг, оплачем злоключенья Тариэля.
Кто, как он, пылал любовью, муку смертную тая?
И копьем пронзенный скорби, песнопевец Руставели,—
Сказы, что о нем сложили, нанизал как жемчуг я.

Если смертный достигает, наконец, желанной цели
Вспоминать ему не надо горечь пережитых бед.

Из поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», перевод Г. Цагарели.

На экранах Москвы демонстрируется фильм «Каджети» Госкинпрома Грузии. Это первая попытка экранизации бессмертной поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Авторы фильма использовали один из центральных эпизодов поэмы — взятие Тариэлем каджетской крепости при помощи его побратимов — Автандила и Фридона и освобождение возлюбленной Тариэля — Нестан-Дареджани. На снимках — кадры из фильма «Каджети».

■ ■ ■

Архив А. М. Горького

Архив А. М. Горького продолжает пополняться новыми материалами рукописного наследства, документами и перепиской великого писателя.

Пятьдесят две рукописи Алексея Максимовича — «Макар Чудра», «О чиже, который лгал», «Емельян Пиляй», «Мать», «По Руси», «В Америке», «Русские сказки» и другие, свыше трехсот писем от разных лиц, среди которых письма от А. В. Амфитеатрова, Леонида Андреева, Бальмонта, Брюсова, Короленко, Коцюбинского, Куприна, Немировича-Данченко, Шолом-Алейхема и других, получил Архив от Института литературы Академии Наук СССР (Пушкинский дом).

Много ценнейших рукописей публицистических работ Алексея Максимовича, его рецензий и отзывов на разные книги, а также рукопись трагикомедии «Дети солнца» передала Архиву Ленинградская Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина.

Большой интерес представляют переписка по делу о выборах А. М. Пешкова в почетные акамедики и огромное количество писем Горькому от частных лиц.

В числе официальных документов находятся свидетельство о явке к исполнению воинской повинности «Нижегородского цехового Алексея Максимовича Пешкова» при призыве 1889 года; квитанция Нижегородской цеховой управы Пешкову А. М. в получении от него цехового сбора.

Много материалов получено также от архивов редакции «Известий» и Наркомпроса РСФСР, от Толстовского музея, из редакции журнала «Наши достижения». Тут и протоколы заседаний редакции «Наших достижений» с участием А. М. Горького, и рукописи авторов с пометками и отзывами А. М. Горького.

В ближайшие дни Архив получает из Архива революции «Дело о каприйской школе пропагандистов», «Дело о манифестации нижегородцев в связи с проездом Горького через Нижний-Новгород», листовки, прокламации, нелегальные издания А. М. Горького и т. п.

В настоящее время в архиве А. М. Горького собрано **сорок семь тысяч** рукописей, писем и документов.

Микола БАЖАН

Путь на Тмогви

Тмогви — развалины старинного города-крепости, на горе в юго-восточном районе Грузии — Месхетии, откуда происходил Шота Руставели. Он об этом сам пишет в своей поэме: «... безвестный месх, чье имя Руставели». *Примечание автора.*

Усталые, в соленой влаге едкой,
Медлительно стекающей на лбу,
Ступили мы на голый прах, на ветхий
Тмогвийский путь, на рыжую тропу.

Зигзаг расщелин, вычерченный криво
На треугольных скалах, среди круч.
В кристаллах гор, над зубьями обрыва
Скользящий косо, преломленный луч.

Везде молчанье. Только тень дороги,
Как тонкий звук, всплывает надали.
И полнится предчувствием тревоги
Недобрая, седая тишь земли.

Скрежещет гравий. И травы скрипенье
Молниеносных вспугивает змей.
И пахнут углем знойные каменья.
И тянется, как время, суховей.

Ущелье все сужается. И взгорья
Взвиваются, как вихри, в вышине.
Все глубже путь и путанней, — и вскоре
Ныряет он в беззвучной глубине.

Потеряно сравнение и мера
Молчанью, цвету, высоте горы.
И входим мы, принявши путь на веру,
В легенду, — и стихаем до поры.

И вот оно глазам явилось сразу
И холодом дохнуло на плато, —
Страшилище немыслимое то,
Гигантская махина диабаза.

В зубцах, в резцах, и граненой их игре
В тиаре варварской сверкает круча
И дышит тьмой. Высоко на горе,
Как белая овца, пасется туча.

Сплетаются студеные ветра
В ее порывистой, вихрастой ткани.
За взгорьем, в этой прорве великаньей,
Как голый конус, высится гора.

В ее массиве, словно в урне черной,
Дымится прах прадедовский, глухой, —
Дворцы и церкви, ставшие трухой,
Вал крепостной, когда то необорный.

Еще кружит слепой окружный град,
С уступа на уступ вползают башни.
Между развалин яростью тогдашней
Глазницы амбразур еще горят.

Еще вверху круглятся своды храма,
В песчаник втоптаны секиры и кресты.
Но все врата, разрушенные прямо,
Отверсты вширь ветров и пустоты.

Как шкура тигра в ржавобурой шерсти,
Величественный, грустный и немой,
Рыжеет город на скалистой персти,
И темный шлем горы увит чалмой.

Как в смерть, — в глухие трещины и шрамы,
В следы рубцов на черепной кости,
В крошащиеся сводчатые храмы, —
Живые, мы смотрели на пути.

Не этот путь отвесной крутоверти
Ведет по миру, меж долин и гор.
И горе, кто надолго в знаки смерти
Свой неподвижный погружает взор.

Прославим же тревогу огневую
Людей, чья жизнь поистине жива,
Тех, кто несут, трудясь и торжествуя,
Не смерти, а бессмертия слова.

Я отворачиваюсь. Там, в горах
Сверкает гравий льющейся дороги.
Уходит в даль, за дымные отроги
Безвестный след, затоптанный во прах.

И вдруг — из-под ноги, на повороте —
Тропа, как птица, обрывает лет.
И на закатной тусклой позолоте
Тень человека светлая встает.

Проходит странник в диком отдаленьи,
Чтоб выйти в мир из ночи вековой,
Чтоб в каждом доме, городе, селеньи
Жить и встречаться с дружбою живой.

Зиянье Тмогви. В знойной крутоверти
Бесплодных гор горючий ржавый склон.
И мы тогда узнали: это он,
Единственный, кто здесь достиг бессмертья.

И мы тогда узнали: мимо нас
Проходит, озарив навек ущелья,
Пред временем и смертью не склонясь,
Безвестный месх, чье имя—Руставели.

Перевел с украинского
П. АНТОКОЛЬСКИЙ

Когда умер Бакунин

Государственный литературный музей готовится к выставке Герцена. Понадобилось установить дату смерти Бакунина.

Казалось бы, чего проще: взять любое справочное издание и посмотреть. В Большой советской энциклопедии даты рождения и смерти указаны точно: 18 мая 1814 — 1 июля 1876. Кто-то из сотрудников на память назвал другое число.

Начали проверять.

В Малой советской энциклопедии сказано глухо: 1814—1876. В Энциклопедическом словаре Брокгауза говорится: 13 июля 1876 г. Была высказана догадка, что разница об'ясняется различием стилей: у Брокгауза датируется по старому стилю, в Большой советской — по-новому. Но в таком случае к 13 июля надо прибавить 12 дней, а в Большой советской энциклопедии почему-то вычли и получилось 1 июля.

Решили справиться в словаре Граната. Там напечатано: «он умер 6 июля 1876 г.» По какому стилю, старому или новому — неизвестно, но так как справка была сделана по дореволюционному изданию, то надо полагать по старому. Но в биографическом очерке, написанном М. Драгомановым, значится: «Он умер 6 июля (нов. ст.) 1876 г.».

Обратились к указателю Владиславлева «Русские писатели». Там стоит: «ум. I/VI 1876 г.» И тут же сноска: «В Русском биографическом словаре дата смерти — 12/VI». Однако, при проверке оказалось, что в «Русском Биографическом словаре» напечатано совсем не то, а вот как: «ум. 19-го июня (2-го июля) 1876».

Литературная энциклопедия поступила весьма благоразумно. Как бы не желая впутываться в эту историю, она вовсе не поместила статьи о Бакунине. Ее примеру последовал «Литературный календарь», только что выпущенный государственным издательством «Художественная литература» в Ленинграде. Он также не отметил смерти Бакунина.

Д. Д.

От редакции. Дата смерти Бакунина правильно указана в Большой советской энциклопедии: **1 июля 1876** года.

В лондонском журнале «Вперед» **(№ 36, 1876 г.)** в отделе хроники мы читаем: «Только что получена следующая телеграмма: Берн. 1 июля. Бакунин умер здесь сегодня в 12 часов».

За рубежом

Роман «Сталь» Андрэ Филиппа

В издании «Эдисьон социаль интернасиональ» в Париже вышла книга Андрэ Филиппа «Сталь». Автор романа — рабочий одного из заводов Ситроена. «Сталь» — его первое произведение, появившееся в печати. Несмотря на это, книга удостоилась в 1937 г. премии «Симан» и заслужила единодушное одобрение в печати.

Андрэ Филипп, сам с пятнадцати лет работавший на металлургических заводах, описывает нестерпимо тяжелые условия труда на капиталистических предприятиях.

В первых же страницах романа с трагической простотой и сдержанностью показывает автор одну из безыменных жертв прожорливой «стали». Рабочий итальянец, соседи которого не знают даже его имени, умирает в цеху, обожженный расплавленным металлом.

«Человека осторожно опустили на носилки. Его лицо было ужасно. Глаза, губы — висели, заживо содранные пламенем. Гримаса искажала рот. Губы вздрогнули в последний раз и замерли, сохранив выражение муки. Рабочий горна № 11 скончался».

С металлургических заводов действие переносится в шахты, где условия труда еще тяжелее. Будучи очевидцем этой тяжелой, беспросветной жизни, автор романа рисует скупыми, потрясающе правдивыми красками участь всех этих разноязычных, разноплеменных людей — поляков, алжирцев, выходцев с Балкан, которые в непосильном труде корчатся под пятой капитала.

Андрэ Филипп умело использует в своем романе документальный материал — выдержки из газет, бюллетени биржи и т. п.

«В этой книге поражают уверенность и легкость, с которыми автор обращается к **своему** народу», пишет Поль Низан в «Юманите». «Отсюда та бесспорная правдивость, которой не подделаешь, полное отсутствие хитрости или жеманства. Это мир, описываемый человеком, который к нему принадлежит».

Восторженный отзыв о книге Андрэ Филиппа дает и французская литературная газета «Нувель литерэр».

«Со времен Золя мы не читали подобных описаний, и нужно сознаться, что автор «Жерминаля», несмотря на все его неот'емлемые достоинства, кажется нам рядом с Андрэ Филиппом слишком «литературным»... Роман «Сталь», вполне заслуженно получивший премию «Симан», бесспорно значительное литературное произведение», — констатирует «Нувель литерэр».

Вестник правды

Группой рабочих-эсперантистов издается в Валенсии на языке эсперанто журнал «Пополя фронто» («Народный фронт»).

Один раз в две недели восемь страниц этого «Международного информационного бюллетеня о борьбе Испании против фашизма» — таков подзаголовок журнала—разносят по всему миру правду о героической борьбе испанского народа против фашистских мятежников и интервентов.

В одном из наиболее популярных отделов журнала—в «Смеси»—печатаются сообщения о жизни республиканской армии и о положении во вражеском стане.

В журнале можно найти и очерки и сценки из фронтовой жизни. Часто печатаются в нем статьи, заметки и приветствия иностранных писателей (Р. Роллан, Т. Манн, М. Кольцов, И. Эренбург и др.).

Людвиг Ренн, сам эсперантист, посылает через журнал привет всем эсперантистам-антифашистам мира. Печатаются стихи — оригинальные (Мангада) и переводные (С. Маршака и др.).

Журнал выходит пятитысячным тиражом. О его успехе можно судить хотя бы по списку многочисленных пожертвований, получаемых редакцией из Франции, Англии, США, Голландии, Аргентины, Бельгии, Бразилии, Швеции, Чехословакии и других стран. Печатаемые в журнале статьи и очерки переводятся читателями и помещаются в прессе разных стран.

А. МЕЛЬНИКОВ

Бородино

Сто двадцать пять лет отделяют нас от Бородинской битвы. Кажется, что это было бесконечно давно. И сто двадцать пять километров отделяют Москву от Бородинского поля. Это кажется совсем близко, — всего три часа езды в автомобиле.

На пути от Москвы до Бородина едва ли не каждый километр напоминает о каком-нибудь из эпизодов великой войны.

Вот Дорогомиловская застава. В 1812 году это была граница Москвы. Возле самого шлагбаума стояло несколько трактиров. В одном из них Наполеон провел первую ночь в завоеванной столице.

Утром 2 сентября он долго наблюдал с Поклонной горы вступление войск в Москву. Сегюр оставил восторженное описание этого дня. Однако он не скрыл горького разочарования Наполеона, когда, вместо ожидаемой депутации бояр с ключами от города, его встретило несколько перепуганных иностранцев.

К 8 часам вечера в городе начался пожар. Горели дома возле Воспитательного дома и торговые ряды в Китай-городе. Зарево от пожара было видно не только на Поклонной горе; его видела и русская армия, остановившаяся к вечеру в 15 верстах от столицы. Наполеон отложил свой в'езд в город до утра. Его войска были уже в Кремле. У дворца стояли вытянувшись караулы. Но Наполеон предпочел провести первую ночь в трактире, где останавливались купцы и извозчики.

Поклонная гора... Здесь еще накануне отступления Кутузов совещался со своими генералами. Отдать ли Москву без боя? Или дать здесь, у самых подступов к столице, последнее сражение? Генералы настаивали на сражении. Кутузов слушал их молча. На военном совете в Филях он об'явил свое решение:

— Некоторые будут несогласны со мной... Но я — приказываю отступать!

Мамоново, Вязьма, Лутинское — это все переходы русской армии на пути от Можайска к Москве. Французы следовали за нею по пятам. Еще 30 августа в Вязьме ночевали русские офицеры. А 1 сентября деревня была занята под ночлег Наполеоном и его свитой.

Село Перхушково... Оно как будто ничем не прославлено. Тут не было ни сражений, ни переговоров, ни совещаний. Но разве не здесь Пьер Безухов, по пути из Москвы в армию, впервые реально ощутил войну? Это было 24 августа, за два дня до Бородинского сражения. В Перхушкове уже была слышна отдаленная канонада орудий Шевардинского редута. Пьеру рассказывали, что здесь земля дрожала от выстрелов.

Можайск. Высоко на горе вытянулся вверх старинный, чудесной архитектуры собор. Именно отсюда Пьер выехал 25 августа на передовые позиции. «На спуске с огромной, крутой и кривой горы, ведущей из города, мимо стоящего на горе направо собора, в котором шла служба и благовестили, Пьер вышел из экипажа и пошел пешком». Навстречу ему везли раненых. Они с любопытством смотрели на его белую шляпу и зеленый фрак.

Неужели с тех пор прошло уже сто двадцать пять лет? Здесь, на месте, этому не верится. Вот стоит этот самый собор. А вот и крутой, кривой спуск. На этом повороте кавалерия едва не смяла экипаж Пьера. Невольно прислушиваешься: не выскочит ли и сейчас из-за поворота какой-нибудь кавалерийский отряд. Но вместо отряда появляется отчаянно пыхтящий грузовик. Шофер останавливает машину и вылезает из кабины. Невозможно удержаться от вопроса:

— Откуда едете?

— Из Бородина, — отвечает он так же просто, как если бы ехал из какой-нибудь Никитовки или Семеновки.

— Из Бородина? — с волнением переспрашиваем мы. И невольно срывается нелепый вопрос:

— Ну как там?

Но шоферу вопрос не кажется странным.

— Все в порядке, — отвечает он с улыбкой. — Уборку завтра кончаем!

Историческая перспектива сразу восстановлена.

До Бородина остается ехать еще 15 километров. Дорога идет все время лесом. Лес молодой; в 1812 году его наверное не было. Он тянется до самых Горок — бесконечно длинного села, вытянувшегося вдоль шоссе.

Горки — это уже центр исторических событий. Отсюда, с высокого холма открывается широкая панорама Бородинского поля. На этом холме Кутузов провел весь день боя. Сейчас здесь стоит высокий обелиск. На вершине его — орел с широко распростертыми крыльями. На пьедестале — большая плита с выгравированной надписью:

Отсюда
фельдмаршал Михаил Илларионович
Голенищев-Кутузов
руководил войсками в сражении
при с. Бородине
26 августа 1812 года.

От кутузовского холма до линии боя еще далеко. Но отсюда хорошо видна речка Колоча, по правому берегу которой расположилась русская армия. Недалеко от Кутузова были установлены две батареи для обстрела переправ через реку.

Хорошо виден отсюда и правый фланг нашей армии — весь участок от батареи Раевского до багратионовых флешей. Левый фланг скрыт лесом. Там, за лесом — Шевардино, занятое французами 24 августа и послужившее одним из опорных пунктов наступления.

Несомненно, Кутузову открывался более широкий вид. На многих участках, покрытых сейчас лесом, в 1812 году было чистое поле. Очевидно, все укрепления русской армии, растянувшиеся всего на пять километров, были в поле зрения главнокомандующего. Отсюда отчетливо можно было рассмотреть и французский лагерь.

Бородинское сражение было одним из самых кровопролитных в мировой истории. На небольшом пространстве сражалось около 250 тысяч человек. Каждая атака заканчивалась рукопашным боем. Все важнейшие позиции русской и французской сторон в течение дня по нескольку раз переходили из рук в руки. Полторы тысячи орудий стреляли почти не умолкая. Лермонтов с буквальной точностью писал, что «ядрам пролетать мешала гора кровавых тел». За один день русская армия потеряла 57 тысяч человек, французы — 50 тысяч.

Спустя много лет Наполеон в своих мемуарах писал: «Из всех моих сражений самое ужасное то, которое я дал под Москвою. Французы в нем показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми... Из пятидесяти сражений, мною данных, в битве под Москвою выказано наиболее доблести и одержан наименьший успех».

По всему Бородинскому полю разбросаны памятники. В большинстве случаев это скромные обелиски. На многих из них не сохранилось никаких надписей.

На месте батареи Раевского тоже установлен памятник. Здесь погибло, быть может, больше жертв, чем на любом другом участке поля. Батарею не успели своевременно укрепить. Насыпь и ров не были закончены, вал не достигал требуемой высоты, ров был покат и неглубок. Французам легко было наступать на Раевского. Наполеон бросил сюда целую дивизию Брусье. Раевский выдержал двухчасовый бой и отстоял батарею. На помощь к Брусье подошла дивизия Морана и овладела батареей. Это было в 11 часов утра. Но к 12 часам Ермолов, собрав первые попавшиеся части, «толпою в образе колонны» бросился на батарею и отбил ее. Ров и вал к этому времени оползли, и орудия стояли ничем не защищенные на возвышенности. Тогда в атаку пошла кавалерийская бригада Коленкура.

«Нашим удивленным взорам представилось поразительное зрелище, — рассказывает один из очевидцев. — Вся эта возвышенность, господствовавшая над нами, вдруг превратилась в гору движущегося металла. Блеск оружия, касок и кирас, на которых отражались лучи солнца, сливался с огнем орудий, изрыгавших смерть отовсюду...».

Сейчас на возвышенности стоит скромный памятник. Работники Бородинского музея не удосужились прибить к нему хотя бы дощечку с краткой надписью...

Вот Шевардинский курган. Отсюда Наполеон весь день наблюдал за сражением. Он не сомневался в победе. Перевес в силах был на его стороне. Занятые русскими позиции были слабо укреплены. «Это солнце Аустерлица!» — сказал он, когда рассеялся утренний туман и блеснули первые солнечные лучи.

«Солнце Аустерлица» обмануло его. Оно не прошло и половины своего пути, как начали прибывать ординарцы с требованием помощи. Наполеон сердился. Он не понимал, как Ней и Мюрат с огромными силами не могут опрокинуть русских. В четвертом часу он об'ехал поле сражения. Трофеев и пленных не было. У Семеновского кургана он долго всматривался в русские войска. Они стояли в полной готовности продолжать бой. Он вернулся в Шевардино «против обыкновения, с красным лицом, с всклокоченными в беспорядке волосами и усталым видом».

А вот и багратионовы флеши — самый ожесточенный участок боя. Именно сюда французы направили основной удар. Четыре раза укрепления переходили из рук в руки. Здесь был ранен маршал Даву. Здесь же погиб Багратион. 400 французских орудий громили наши позиции. Им отвечало 300 наших орудий. Весь участок боя был сплошь покрыт трупами.

Что могут рассказать современному посетителю об этих исторических боях забытые и заброшенные памятники со стершимися от времени или сорванными надписями. Но что поделаешь! Такова дань уважения Наркомпроса к героическому прошлому нашей страны!

Наконец, музей! Здесь собрано много драгоценных реликвий. Тщательно сделанная панорама боя. Много картин и редких портретов. Знамена, оружие, мундиры. Подобранные на поле боя и в окрестностях гранаты, рукоятки пистолетов, клинки, кивера. Ценное собрание литературы о 1812 годе, начиная с книг и журналов, современных великим событиям. Но музей... закрыт! Там идет ремонт. Другого времени для ремонта Наркомпрос не выбрал, как именно в дни 125-летней годовщины событий.

Ежедневно приезжают сюда экскурсанты. Интерес к героическому прошлому нашей страны исключительно велик. На Бородинское поле приезжают издалека десятки людей. За год музей пропускает до 7 тысяч человек. Особенно много экскурсантов приезжает сейчас, в связи с предстоящей годовщиной. И все они бродят по обширному, пустынному полю, не зная, к кому обратиться хотя бы с вопросом о значении того или иного памятника.

На дверях музея болтается прибитая одним гвоздем эмалированная дощечка с надписью: «Бородинское Общество Охраны Памятников обращается с покорною просьбою к Гг. посетителям поля не делать на памятниках никаких надписей и вообще ничем не портить их». Нам хотелось бы в связи с этим обратиться к гг. ревнителям музейной старины из Наркомпроса с покорною просьбою сделать на памятниках надписи. И кроме того, привести их в порядок. И еще — позаботиться об их охране. И наконец поспешить с открытием музея.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

1883 год
Смерть Тургенева

3 сентября 1883 г. в Буживале (Франция) умер И. С. Тургенев. Только спустя месяц тело его было привезено в Петербург, где и состоялись похороны. В течение этого месяца в реакционной печати и в правительственных учреждениях происходила такая свистопляска, что сопровождавший тело Тургенева М. М. Стасюлевич в одном из частных писем с горькой усмешкой писал: **«Лет через двадцать не поверят, что все это было возможно!»**.

Смерть Тургенева произвела сильнейшее впечатление на все русское общество. «Смерть великого писателя — событие в истории века»,— писали близкие к нему органы печати. Монархические же газеты тотчас открыли против него поход.

«Новое время» стало усиленно доказывать, что Тургенев был якобы только художником, чуждавшимся всякого общественного движения. А черносотенные «Московские ведомости» разразились гнуснейшей статьей, наполненной ругательствами.

Достойную отповедь этим черносотенным воплям дала специально выпущенная подпольная прокламация. «Умер Тургенев, — говорилось в этой прокламации, — они и его привлекают в свои жирные об'ятия, и его торопятся отделить ревнивой стеной от всякой злобы дня, от русской молодежи, от ее идеалов, надежд и стремлений... Не за красоту слога, не за поэтические и живые описания картин природы, наконец, не за правдивые и неподражаемо талантливые изображения характеров вообще так страстно любит Тургенева лучшая часть молодежи, а за то, что он был честным провозвестником идеалов целого ряда молодых поколений...»

Пока шла эта полемика, газеты получили секретное распоряжение «не сообщать решительно ничего о полицейских распоряжениях, предпринимаемых по случаю погребения И. С. Тургенева».

Были приняты все меры, чтобы на промежуточных станциях не было встречи тела Тургенева. В Петербурге было специально запрещено «вывешивание траурных флагов и убранство домов трауром». На кладбище и на всем пути погребального шествия стояли усиленные наряды полиции. На кладбище пускали только по билетам.

Нельзя не напомнить один чрезвычайно характерный эпизод. Как известно, незадолго до смерти Тургенев писал Л. Н. Толстому: «Выздороветь я не могу, и думать об этом нечего. Пишу же я вам собственно, чтобы сказать вам, как я был рад быть вашим современником, и чтобы выразить вам мою последнюю искреннюю просьбу. Друг мой, вернитесь к литературной деятельности... Ах, как я был бы счастлив, если бы мог подумать, что просьба моя так на вас подействует!!... Друг мой, великий писатель русской земли, внемлите моей просьбе!»

Толстой, взволнованный смертью Тургенева, хотел выступить с речью в московском обществе любителей российской словесности. Испуганный начальник московского управления по делам печати доносил в Петербург: «Толстой — человек сумасшедший; от него следует всего ожидать; он может наговорить невероятные вещи, и скандал будет значительный». В Петербурге, видимо, согласились с тем, что «Толстой — человек сумасшедший», и посвященное Тургеневу заседание общества любителей российской словесности велено было отложить, а затем и совсем отменить.

1915 год
«Облако в штанах»

В сентябре 1915 года впервые вышло отдельное издание «Облака в штанах» В. В. Маяковского. Первоначальное название поэмы было: «Тринадцатый апостол». Цензура запретила это название и изуродовала текст поэмы. Были вычеркнуты, например, такие строки:

Где глаз людей обрывается
куцый
главой голодных орд,
в терновом венце революций
грядет шестнадцатый год...

Или:

Выньте, гулящие, руки из
брюк —
берите камень, нож или бомбу,
а если у которого нету рук —
пришел чтоб и бился лбом бы!

Полный текст поэмы, без цензурных искажений, был издан только в 1918 году. От прежнего названия Маяковский отказался. В предисловии к новому изданию он раз'яснил: «Первое имя «Тринадцатый апостол» зачеркнуто цензурой. Не восстанавливаю. Свыкся».

В известной статье «Как делать стихи» Маяковский рассказал, как появилось название «Облако в штанах».

«Году в тринадцатом, возвращаясь из Саратова в Москву, я, в целях доказательства какой-то вагонной спутнице своей полной лойяльности, сказал ей, что я «не мужчина, а облако в штанах». Сказав, я сейчас же сообразил, что это может пригодиться для стиха, — а вдруг это разойдется изустно и будет разбазарено зря?..

Через два года «Облако в штанах» понадобилось мне для названия целой поэмы».

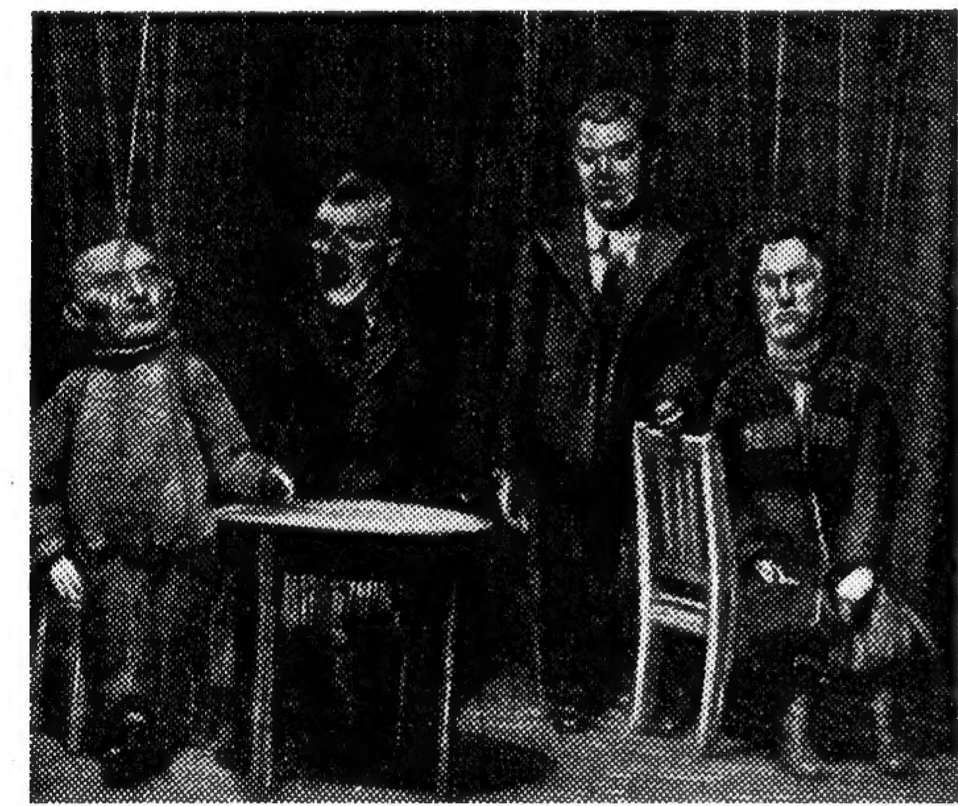
Ценное приобретение

Государственный литературный музей приобрел коллекцию гравюр и рисунков известного собирателя Н. Сипягина.

В коллекции около четырех тысяч листов, из которых значительная часть посвящена наполеоновским войнам, в частности войне 1812 года.

Собрание гравюр состоит из искусно выполненных портретов государственных и военных деятелей, изображений битв, конгрессов и других событий конца восемнадцатого и первой четверти девятнадцатого столетий.

Наибольший интерес для музея представляет раздел политической карикатуры, состоящий из 700 листов.

Куклы театра марионеток Ленгосэстрады из сатирического обозрения о ленинградских писателях. Персонажами обозрений были А. Толстой, О. Форш, К. Чуковский, К. Федин, А. Чапыгин, М. Слонимский, Н. Тихонов и др. На снимке, слева направо: куклы, изображающие писателей А. Чапыгина, М. Слонимского, Л. Соболева и Н. Тихонова.

«Женский портрет» — картина С. В. Петерсона (Москва). Всесоюзная выставка народного самодеятельного изобразительного искусства.

АРМЯНСКИЙ САТИРИК АКОП ПАРОНЯН

В скором времени будут выпущены на русском языке в переводе и со вступительным словом Я. Хачатрянца два крупнейших произведения армянского классика Акопа Паронянa (1842—1891 г.г.). Сатирическая повесть Акопа Паронянa «Высокочтимые попрошайки» выйдет в Гослитиздате, комедия «Дядя Багдасар» — в издательстве «Искусство».

Инсценировки «Высокочтимых попрошаек» и «Дяди Багдасара» до сих пор не сходят с армянской сцены и пользуются такой же популярностью, как «Горе от ума» и «Ревизор» в русском театре.

Комедией «Дядя Багдасар» заинтересовались некоторые театры Москвы.

Для русской сцены комедию обрабатывает Мариэтта Шагинян.

Одиннадцать новых пьес

Результаты драматургического конкурса в Армении

В прошлом году Комитетом по делам искусств при Совнаркоме Армении был об'явлен конкурс на лучшие оригинальные драматические произведения. Жюри конкурса получило 102 пьесы. Из них было отвергнуто 72 пьесы. Отобранные пьесы были частью переданы в союз советских писателей Армении для доработки их вместе с авторами, частью распределены между театрами Армении для использования их. Ни одна пьеса не удостоилась первой премии.

Вторая премия в 10.000 рублей присуждена заслуженному режиссеру А. Гулакьяну за пьесу «Аршалуйс» («Заря»), воспроизводящую один из эпизодов гражданской войны в Армении. Четыре третьих премии—по 7.000 рублей—присуждены: артисту Ереванского театра юного зрителя Мелик-Кочарьяну за пьесу «Слепой музыкант»; Александру Аракельяну за пьесу «Эмануэл», отображающую жизнь знаменитого армянского писателя Микаэла Налбандяна; молодым инженерам — З. Ацагорцяну и В. Худавердяну за пьесу «Свирель радости», посвященную стахановскому движению в Армении, и артисту Бакинского армянского драматического театра Барсегяну — за пьесу «Камо».

Таким образом, в результате конкурса театры Армении получили для постановок в предстоящем сезоне одиннадцать новых пьес.

НОВОЕ В ЖУРНАЛАХ

«Интернациональная литература»

Центральное место в восьмом номере журнала «Интернациональная литература» занимает роман известного французского писателя **Роже Мартен дю Гара «Лето 14-го года»**.

Это заключительная книга многотомного романа дю Гара «Семья Тибо» — одного из значительных произведений западной литературы XX века.

«Интернациональная литература» печатает последнюю часть романа «Лето 14-го года».

Роже Мартен дю Гар с большой художественной силой показывает «тайну» рождения войны.

Большое место в романе занимает образ Жореса.

Кроме редакционной статьи о романе Роже Мартен дю Гара журнал помещает перепечатанную из «Юманите» статью французского писателя **Поля Низана**, которая является одним из наиболее интересных отзывов французской критики о романе.

Двухлетнюю годовщину со дня смерти **Анри Барбюса** «Интернациональная литература» отмечает публикацией писем великого писателя с фронта. В них ярко отражена история возникновения романа Барбюса «Огонь» и отчетливо рисуется образ самого Барбюса — великого гуманиста, пламенного борца за дело социализма, его глубокая человечность, тесная живая связь с солдатской массой.

В журнале публикуется также речь Анри Барбюса, произнесенная им по радио в Москве 6 октября 1934 года.

Большой интерес представляет **репортаж Андре Мальро** о борьбе в Испании — «Это война», написанный с присущим писателю стилистическим блеском.

В публицистическом отделе следует отметить передовую на тему о троцкистско-фашистских агентах в международной литературе.

Пушкинский сборник

К печати готовится сборник научно-исследовательских статей о Пушкине, выпускаемый Гослитиздатом. В него войдут статьи: Д. Благого — «Пушкин после лицея», Г. Винокура — «Из наблюдений над языком и стилем «Евгения Онегина», Л. Тимофеева — «Медный всадник» (из наблюдений над стихом поэмы), Н. Бельчикова — «Пушкин в оценке революционно-демократической критики 60-х годов», Н. Гудзия — «Пушкин в работе над «Словом о полку Игореве» и др.

НА ВЫСТАВКЕ ЮНЫХ ХУДОЖНИКОВ

Огромный дуб широко раскинул ветви. Ветви касаются крыши дома с большой, просторной верандой. Сбоку флигеля — клумба с яркими цветами.

Таково содержание картины «Домик Л. Н. Толстого в Ясной Поляне», присланной 14-летним художником Корлюченко из Сталиногорска на Третью областную выставку детского изобразительного искусства, открывшуюся 28 мая в ЦПКиО им. Горького.

На выставке около 800 экспонатов — масло, акварель, рисунки. Много работ на литературные темы, особенно привлекает юных художников образ Пушкина.

Тринадцатилетний Кукушкин из Щелкова выставляет акварель «Пушкин». Великий поэт стоит, опершись о дерево. Он задумчиво склонил голову. Вокруг него шумит лес, уже тронутый желтизной осени.

Альбом иллюстраций к «Сказке о попе и его работнике Балде» сделал ученик 8 класса Ногинской средней школы Ю. Галуэнский. Под каждым рисунком старательно выписан соответствующий текст из сказки.

Красочный рисунок «Пушкин в Царском селе» прислал на выставку ученик 8 класса Подольской школы Алдошин.

Из других экспонатов выставки обращают на себя внимание рисунки 14-летнего Галичева из Калуги «Колхозники слушают доклад Сталина по радио» и Максима Жиганова «Дедушка Шмидт охотится на Северном полюсе».

Юные авторы некоторых картин и рисунков обнаруживают незаурядные способности.

Изогизу следовало бы заинтересоваться выставкой детской изосамодеятельности, отобрать на ней лучшие работы и выпустить специальный альбом.

Новые издания Музгиза

Музгиз выпускает отрывки из опер советских композиторов: И. Дзержинского—«Поднятая целина» (по роману М. Шолохова), О. Чишко—«Броненосец Потемкин», Т. Хренникова—«Одиночество» (по роману Н. Вирта), из колхозной оперы А. Абрамского—«Песня о дружбе» (либретто А. Суркова) и др.

Опера на сюжет Руставели

Молодой московский композитор Н. Нариманидзе (ученик Н. Я. Мясковского) работает над оперой «Витязь в тигровой шкуре», по одноименной поэме гениального поэта грузинского народа Шота Руставели.

Открытое письмо писателям В. Катаеву, Л. Кассилю, Ю. Олеша, Л. Никулину, И. Бабелю, П. Маркишу

На первом всесоюзном с'езде писателей, в 1934 году, вы были избраны в члены Ревизионной Комиссии Союза Советских Писателей СССР.

В торжественной обстановке писательская общественность облекла вас высоким доверием. Но впоследствии вы, очевидно, забыли, что у членов всякой общественной организации помимо прав есть и обязанности. В частности — на вас лежала обязанность принимать участие в ревизионных обследованиях финансовой и административно-хозяйственной деятельности ССП СССР, его учреждений и предприятий, бюджеты которых исчисляются ежегодно десятками миллионов рублей.

К сожалению, сразу же после с'езда вы предпочли устраниться от участия в работе Ревизионной Комиссии. Ссылаясь на занятость творческой работой, в течение трех лет вы не принимали участия в ее работах, если не считать ваших редких и кратковременных посещений заседаний Р. К. и одного обследования — Дома советского писателя, произведенного бригадой под руководством В. Катаева.

Между тем, я в течение трех лет вынужден был почти совсем прекратить свою творческую работу, и все свое рабочее время посвятить Ревизионной Комиссии.

Мне трудно сказать — насколько успешной и удовлетворительной была в течение этих трех лет деятельность Всесоюзной Ревизионной Комиссии ССП, но несомненно одно: если бы вы все активно работали в Ревизионной Комиссии, пользы для нашего общего дела было бы больше.

Все это понуждает меня обратиться к вам с вопросом: как вы думаете оправдать то высокое доверие, которым облекла вас писательская общественность, и думаете ли вы вообще работать в Ревизионной Комиссии.

Мне кажется, что пришло время сказать об этом открыто, перед всеми писателями. Мои неоднократные личные обращения к вам до сих пор оставались безуспешными.

Председатель Ревизионной Комиссии ССП СССР
Ф. БЕРЕЗОВСКИЙ

Литературная жизнь на московских заводах

При библиотеке Центрального дома культуры железнодорожников (бывший клуб КОР) работает **литературно-творческий кружок,** об'единяющий 35 человек. Помимо творческой работы кружковцы изучают историю и теорию литературы, а также творчество отдельных писателей, в частности Пушкина, Маяковского и др.

Литкружковец Б. Шнейдер, работающий аккумуляторщиком на Дзержинской железной дороге, готовит к изданию сборник своих стихов. Стахановец-электросварщик А. Орлов работает над большой повестью «Отец и дочь». Токарь Н. Бобков готовит к печати рассказ из жизни железнодорожников — «В пути».

*

Накануне XXIII Международного юношеского дня в цехах фабрики имени Тельмана (бывшая Ливерс) будут проводиться читки художественной литературы, посвященной жизни молодежи у нас и за рубежом.

— Тяга к книге, — говорит заведующая библиотекой фабрики Д. Я. Демьянова, — колоссальна. Особенно это заметно среди молодежи. Но правление клуба мало уделяет внимания культурно-воспитательной работе. Мы не имеем возможности устраивать литературные вечера. Литературный кружок распался. В библиотеке часто отсутствуют ходовые книги, которые мы не в состоянии приобретать в магазинах.

Коллектор массовых библиотек Когиза вообще игнорирует потребности небольших библиотек. Молодежь очень интересуется произведениями Вальтер Скотта, но коллектор не дал нам ни одной его книги. Не получили мы также «Красное и черное» Стендаля, «80 тысяч километров под водой» и «Таинственный остров» Жюль Верна, «Спартак» Джиованьоли, «Три мушкетера» Дюма и др.

«На Востоке» П. Павленко — книгу, на которую наблюдается совершенно исключительный спрос, мы получили всего в двух экземплярах.

Немудрено, что нередко приходится выслушивать жалобы от читателей.

Литературные пластинки

Граммпласттрест выпустил граммофонные пластинки, посвященные литературе.

Выпускаются пластинки, на которых записаны: «Пушкин и последующая русская литература» — В. Вересаева; отрывок из «Железного потока» — А. Серафимовича; отрывок из повести «Как закалялась сталь» — Н. Островского.

Среди пластинок с литературным содержанием — сцена с попом из «Егора Булычева» — М. Горького в исполнении народного артиста СССР Б. Щукина, заслуженной артистки республики Ц. Мансуровой, артистов Державина и Лобашкова; отрывок из повести «Мать» М. Горького — народная артистка СССР М. М. Блюменталь-Тамарина—и рассказ Луки из пьесы «На дне» М. Горького в исполнении народного артиста СССР И. М. Москвина.

Выпущена также серия пластинок для детей. Это — стихи К. Чуковского — «Муха-цокотуха», «Бармалей» и «Мойдодыр»; С. Маршака — «Стихи о полюсе», «Кот и лодыри», «Сказка о глупом мышонке», «Усатый полосатый»; С. Михалкова —«Мамы».

Сигналы печати правильны

Редакция Малой советской энциклопедии признает совершенно правильной помещенную в № 40 «Литературной газеты» статью т. Кроля «Слова и «дела» Малой советской энциклопедии».

Пропуск непроверенной статьи о Курбасе произошел по вине редакционного отдела.

Доводим до сведения читателей, что в приложении к VII тому МСЭ будут даны соответствующие исправления.

Заместитель главного редактора МСЭ Э. ШИФРИН.

Ответственный редактор
Л. М. СУБОЦКИЙ.

ИЗДАТЕЛЬ:
Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61.

Издательство: Москва, Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

Ю. ОЛЕША

ЗРЕЛИЩА

Я подошел к башне. Собственно говоря, это была не башня. Труба немногим больше пароходной.

Наверху чернела дверь.

К двери вела деревянная лестница.

Все сооружение казалось чрезвычайно шатким.

Билеты выдавались через маленькое окошечко. Невидимая кассирша. Только одна рука, выбрасывающая на крохотный подоконник мелочь.

Я поднялся по лестнице и очутился внутри трубы. Я стоял на балконе и смотрел вниз. Внизу, освещенные дневным светом, шедшим в раскрытую дверь, стояли красные мотоциклы. Дверь имела вид светлого четырехугольника, как двери, ведущие в склады или мастерские. Четырехугольник света падал на земляной пол. Вся картина носила очень летний характер. На пороге двери зеленела трава.

На балконе, кроме меня, стояло еще несколько десятков зрителей. Преимущественно мальчики. Они то и дело принимались хлопать, выражая нетерпение.

В дверь внизу вошли мужчина и женщина. Женщина была в брезентовых бриджах так называемого фисташкового цвета и в черных крагах. Эта одежда подчеркивала ее юность и худобу.

Они сели на мотоциклы и надели очки. Тут мне показалось, что вид этих мотоциклов не совсем обычен. Я бы сказал, что к ним было что-то прибавлено или что-то от них отнято с таким расчетом, чтобы они производили устрашающее впечатление. Повторяю, это мне показалось. В дальнейшем я не проверил правильности моего восприятия, так как после окончания номера мне было не до того, чтобы рассматривать мотоциклы. Однако я не могу отделаться от впечатления, что эти машины отличались странной, я бы сказал, коварной выразительностью.

Первой выступила женщина. Она стала ездить по стене. Вообразите себе трэк не больше, не меньше как в 90°. То-есть, это была езда под прямым углом к вертикали.

Машина описывала круги. Иногда казалось, что вместе с седоком она вылетит за край. Усилий воли стоило не отшатнуться в эту секунду. Я делал усилие и не отшатывался, понимая, что это маленькое мужество просто необходимо, чтобы совершенно не пасть в собственных глазах.

Производя вихрь, она проносилась мимо меня. Затем я видел ее сзади. Быстро удаляющаяся фигурка с пригнувшимися плечами.

Так как всякий раз, когда она проносилась мимо меня, я испытывал испуг, то потом, в стремительном улепетывании этой маленькой щуплой фигурки, оседлавшей тяжелую машину, я усматривал какое-то лукавство. Я даже ожидал иногда, что фигурка на меня оглянется.

Труба, сколоченная из досок, сотрясалась. С ужасом я узнавал в ней просто бочку.

Ко всему еще стрельба мотора. Великолепный, сухой, высокого тона звук.

Когда номер окончился, я был глухим. И в немой тишине я видел, как мотоцикл, скатившись со стены, остановился, и женщина, продолжая сидеть в седле, подняла руку. Затем она сняла очки, и вместо широкоглазой маски кузнечика в воздухе, как в зеркале, появилось полное прелести человеческое лицо.

Когда я удалялся от башни, я увидел, что ее опоясывает надпись.

«Мото-гонки по стене».

Громадные печатные буквы. Башня весело белела в чистом воздухе Парка культуры и отдыха.

В свое время нечто подобное проделывали велосипедисты. Они ездили внутри гигантской корзины. Зритель видел их через прутья.

Конечно, это было не так эффектно, как номер с мотоциклами. Фигура велосипедиста настраивает на юмор. Тем не менее аттракцион был потрясающей новинкой.

В каком году состоялась его первая демонстрация?

В тысяча девятьсот десятом?

Цирк был еще старым.

Происшедшие благодаря техническим открытиям видоизменения в жизни города еще не отразились в цирке.

И первым из мира техники проник на цирковую арену велосипед.

До этого я помню демонстрацию каких-то электрических чудес. Аттракцион выдавался за научный опыт и носил серьезное название «Токи Николая Тесла». Но это было фокусничество. Зритель должен был поверить, что перед ним человек, остающийся невредимым, несмотря на то, что сквозь него пропускают токи необычайной силы.

Велосипед произвел огромное впечатление. Мне кажется, что именно езда по наклонному трэку была первым видом цирковой работы с велосипедом, и только впоследствии циркачи стали работать на выложенном на арене полу из белых полированных досок. К этому времени номер велосипедистов превратился в комический. Так как велосипедный спорт получил широкое распространение, то для того, чтобы велосипед не потерял своего права удивлять, пришлось призвать ему на помощь клоунаду. Обыкновенного—из мира техники—велосипеда не стало. Он распался на свои два колеса. Оказалось, что вполне возможна езда и на одном колесе. И этой возможностью завладели эксцентрики.

Мотоцикл грозен. С ним не поиграешь. Когда мы думаем о том, что скорость связана с опасностью, то не образ автомобиля возникает в нашем сознании, а именно образ мотоциклиста, стремительно перечеркивающего поле нашего зрения.

Младший брат меланхолического велосипеда кажется злым, нетерпеливым, неподдающимся приручению. Он трясется от злобы, фыркает. Если тот носился, как стрекоза, прозрачный и хрупкий, то этот летит, как ракета.

Я хочу ответить себе на вопрос, в чем секрет особого впечатления, которое производит на зрителя такой аттракцион, как мотогонки по стене... А производит он действительно ни с чем не сравнимое впечатление.

Секрет в том, что в зрелище человека, движущегося по вертикали, есть элемент самой сильной фантастики, какая доступна нашему сознанию. Это та фантастика, которая создается в тех случаях, когда перед нашим земным зрением происходит какое-либо событие, имеющее своей причиной неподчинение закону тяжести.

Такие события составляют предел фантастики. Они наиболее необычайны для нашего земного восприятия, потому что, когда они происходят, перед нами на секунду возникает картина какого-то несуществующего мира с физическими законами, противоположными нашим.

Аромат сказочности мы чувствуем, когда видим прыгуна, делающего сальто-мортале. Безусловно, прыгун—самая фантастическая фигура цирка.

Цирк учел силу воздействия на человека всяких зрелищ, в которых нарушаются наши обычные представления об отношениях человека и пространства. Большинство цирковых номеров основано на игре с равновесием: канатоходцы, перш, жонглеры.

Что же получается?

Цирк волшебным языком говорит о науке! Углы падения, равные углам отражения, центры тяжести, точки приложения сил,—мы все это узнаем в разноцветных движениях цирка.

Это очаровательно.

Мы видим смелого и сильного человека, который настолько уверен в себе, что решается на то, чтобы оспаривать границы, поставленные ему природой.

Уполномоч. Главлита В—32126.

Типография газ. «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.